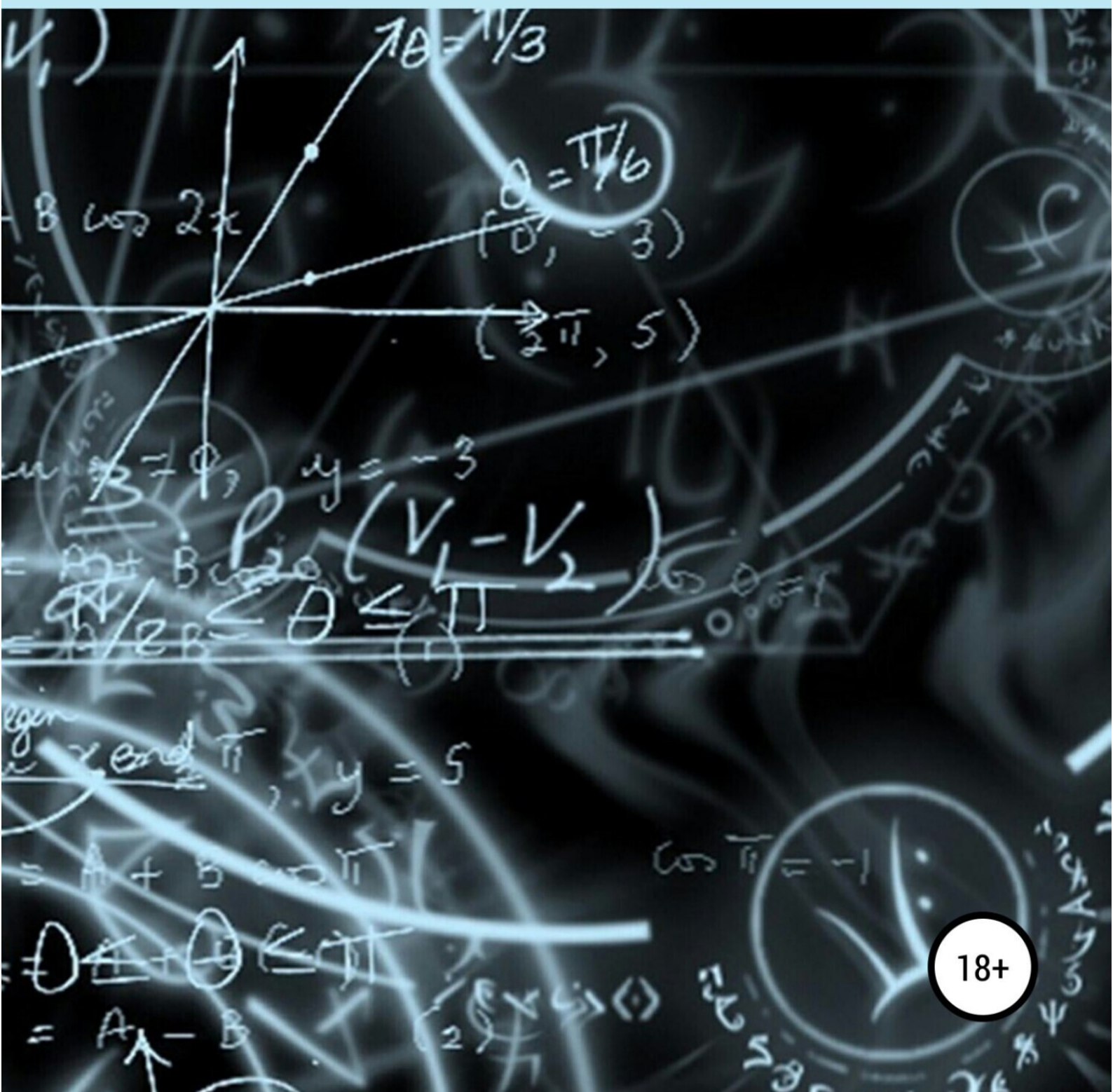

Василевская Татьяна

Хуже и быть не может

Все не так, как кажется

Татьяна Василевская
Хуже и быть не может

«Автор»

2018

Василевская Т. М.

Хуже и быть не может / Т. М. Василевская — «Автор», 2018

Самое обычное утро большого города. Мелкие неприятности, проблемы на работе, планы на вечер. Неожиданно начинают происходить невероятные, необъяснимые и загадочные события. Исчезновение почти в самом центре Москвы. Непонятно откуда взявшийся труп неизвестного мужчины в странной одежде. Ироничный детектив, невероятные приключения и немного фантастики. Отчаянные попытки разобраться в случившемся одних, и вернуть привычную, казавшуюся до этого немного скучной и не вполне удавшейся, жизнь - других.

© Василевская Т. М., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Нелирическое вступление-отступление	5
Глава 1. Худший из дней	7
Глава 2. Старческий недуг – дело валится из рук	14
Глава 3. Звезда	18
Глава 4. Отставной капитан	25
Глава 5. Праздник для звезды	30
Глава 6. «Ни хрена себе!»	33
Глава 7. Вопросы и загадки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Василевская

Хуже и быть не может

Пессимист, вздыхая:

– Хуже просто не может быть.

Оптимист, радостно:

– Да что, Вы! Еще как может!»

(Старый анекдот с бородой)

Нелирическое вступление-отступление

Утро. Хмурые, сосредоточенные лица, хранящие на себе остатки сна. Собравшиеся застыли в ожидании. Взгляды пустые, равнодушные, устремлены в одну и ту же сторону в ожидании, когда же возникнет из-за поворота долгожданный силуэт. Показался, едет. Толпа ожижает. Автобус медленно подруливает к остановке. Слившись в единый живой организм, человеческая масса качнулась вправо, потом влево, пытаюсь предугадать, где окажутся двери, когда автобус остановится. Важен каждый сантиметр. Предел мечтаний оказаться счастливым, кто будет стоять прямо напротив. Все подобралось. Тела напряжены, пустые глаза загораются решительным блеском. Сейчас начнется. Издав громкое, пугающее: «Пфф», – автобус застывает. Люди лавиной срываются с места. Активно работают плечи, локти, бедра. Более решительные оттирают назад робких, скромников, слишком воспитанных. Побеждает сильнейший. Мямли и рохли рискуют оказаться в числе замыкающих, которым возможно и вовсе придется остаться на остановке в ожидании следующего средства общественного транспорта.

Посадка окончена. Тесно прижавшись, друг к другу, пассажиры замирают, наслаждаясь моментом триумфа. Хмурые лица на несколько секунд светлеют, расслабляются. Победа. Сели. Поехали. Эйфория и чувство удовлетворения быстро улечиваются, теснота и духота вытесняют приятные ощущения. Лица снова становятся недовольными, застывают непроницаемыми, отрешенными маскам. Наступает новый этап ожидания. На этот раз – окончания поездки.

«Трр-пфф, трр-пфф», – дергаясь и вздрагивая, замирая через каждые несколько метров, перегруженный автобус застывает посреди плотного утреннего потока. Автовладельцы и их пассажиры лениво смотрят на переполненный салон с чувством равнодушного превосходства и снисходительности. В глубине души радуясь, что судьба к ним благосклонна и они ни в числе тех, приплюснутых друг к другу, людей в автобусе.

При каждом «трр» и «пфф» пассажиры с нелепыми выражениями лиц кривляющихся комиков валяются в объятия друг друга, присаживаются на колени сидящим. Тесный телесный контакт в общественном транспорте приветствуется только влюбленными и извращенцами. И тем и другим, чем теснее, тем лучше. У остальных неожиданный «интим» вызывает чувство смущения, раздражения, злости. «Простите! Извините! Да, ничего! Ты охренел? Держаться надо! Эй, чего, дрова везешь?» – оживает салон разноголосыми возгласами, разной тональности и эмоциональной окрашенности. В конце концов, все возвращаются в вертикальное положение. Возгласы умолкают. Слышится пыхтение, шуршание, тихий шепот, шарканье ног. Неудобное положение, теснота, духота. Те, кому совсем невмоготу предпринимают попытки встать поудобнее, завладеть хотя бы минимумом личного пространства. Чтобы чужой воротник не лез в нос, а длинные волосы, пусть даже и очень красивые, стоящей рядом девушки, убралась, наконец, из глаз и изо рта.

Лица покрыты испариной. Кто-то нервно смотрит на часы: «Успею, не успею?» – на лице страдание и отчаянная надежда. Очень хочется успеть. Ну, пожалуйста! Мне очень нужно! Угадать нельзя. Это ежедневная рулетка, рандом. Будет пробка, не будет. Автобус в очередной раз дергается. Вытаращенные глаза. Машущие руки, хватающие пустоту, в поисках чего угодно-за что можно ухватиться. Еще одна порция объятий. Новая волна извинений, оскорблений, ругани и недовольства. Час пик. Ежеутренний и ежевечерний массовый стресс. С добрым утром, мегаполис! Великий мистификатор, мастер иллюзий, манящий нас своим ослепительным сиянием красивых витрин, дорогих ресторанов, шикарной жизни. Мы изо всех сил пыжимся, тужимся, в попытках приблизиться и хотя бы слегка соприкоснуться с этим великолепием, в попытках соответствовать твоему бутафорскому блеску. Мы твои рабы огромный город. Нам никуда не деться от тебя, да мы и не хотим. Потому что больше всего мы боимся освобождения. Нам не нужна свобода, мы привыкли к тебе. Как бы мы не ругали тебя, как бы не отрицали желания быть твоей частичкой, мы не желаем другой жизни. Мы накапливаем негатив, безвозвратно теряем нервные клетки. Испытываем стрессы. Изо дня в день мы становимся все большими и большими невротиками. Мы платим свою цену большому городу за сомнительное счастье проживания в нем, за призрачные блага и мнимые привилегии. Все мы песчинки, которые ураган столичной жизни швыряет туда-сюда. Столица живет, кипит, бурлит. Не сотни, не тысячи, миллионы людей. Все куда-то спешат, снуют, суетятся. У каждого жизненно-важное дело, намного более жизненно-важное, чем у всех остальных. На остальных плевать. Равнодушие, отчуждение. Каждый сам по себе. Одиночество. Потрясения. И все всегда бегом, бегом, бегом...

Глава 1. Худший из дней

23 апреля

В спину больно упиралось что-то твердое и выпуклое. Аня попыталась подвинуться немного вперед, но справа она была плотно прижата к необъятному, коротко стриженному дядьке, стоявшему твердо и неподвижно, как скала, а слева ее подпирала довольно основательная дама, в цветастом плаще из-под которого выпирал бюст, занимавший пространство, которого вполне хватило бы на еще одного пассажира. Напротив, почти вплотную, расположился взрослый подросток, умудрявшийся в такой давке вести активную переписку в телефоне. На губах умиротворенная улыбка, сознание пребывает в глубинах виртуальной вселенной, юнец явно не подозревает о существовании, нависшей над ним со всех сторон стены из человеческих тел. Аня испытала приступ зависти.

Автобус в очередной раз содрогнулся и встал. Прошла минута. Две. Три. Нервозность пассажиров начала нарастать. Перешептывания. Попытки выглянуть в окно – что там? Долго еще стоять? Когда прошло десять минут неподвижного стояния, и минимум треть салона, после выхода из автобуса, могла, сразу смело отправляться на прием к психотерапевту, Аня окончательно поняла, что опоздает. Вопрос только на сколько. День сегодня был просто ужасный!

Случаются дни, когда все не ладится. Абсолютно все. Что ни шаг, то маленькая катастрофа. В этот день все пошло не так с самого начала. С момента пробуждения.

Открыв глаза, Анна Владимировна Свиридова, коренная москвичка двадцати шести лет от роду обнаружила, что комнату заливают радостный яркий свет весеннего солнца. На темном циферблате будильника высвечивались большие четкие цифры 7:45. Ровно на сорок пять минут больше, чем нужно, что бы успеть нормально, как человек, собраться на работу и ровно пятнадцать минут до того, как нужно вылететь из квартиры, и, вытаращив глаза, пулей нестись на автобусную остановку, чтобы не опоздать. «Черт! Скотина!» – мысленно поприветствовала подлый электронный прибор проспавшая хозяйка.

Понажимав на выключатель в ванной, Анна Владимировна убедилась, что свет не включается. Бросившись на кухню за новой лампочкой, она на ходу водрузила на плиту турку с кофе. Время было на вес золота, и этого эквивалента драгметалла оставалось все меньше и меньше.

Свет зажегся. В тот же миг из кухни раздалось шипение, и ноздри наполнил противный запах горелого. «Черт, черт, черт!» – едва не взвизгнула неизвестно чем прогневавшая сегодня небеса, несчастная девушка. Приняв душ и одевшись с быстротой, которая однозначно вызвала бы зависть и солдат срочников, и бывалых пожарных, Аня проглотила остатки кофе и, схватив косметичку, вновь ринулась в ванную. Наводить красоту. Пять минут, оставшихся до выхода, на красоту было явно маловато, но уж ничего не поделаешь, чем богаты. Один глаз был уже накрашен. Аня поднесла длинную, изогнутую щеточку ко второму, вместо того, что бы придать «длину и объем» ресницам, мерзавка, преподносимая в рекламных роликах, как самая удобная и чуть ли не сама наносящая тушь, предательским образом вывернулась из пальцев и щедро мазнула под глазом жирной чернотой. Стараясь дышать ровно и не запустить щеткой в кафельную стену, Аня стерла лишнее, нанесла недостающее и, схватив сумку, вылетела из квартиры.

Добравшись, после всех мелких, но многочисленных злоключений до многоэтажного офисного здания, в котором располагалась ее фирма, Аня, чувствовала себя восьмидесятилетней старухой, с усилием волочашей немощное тело на непослушных, натруженных за долгую жизнь, ногах. Непрерывно вращающиеся двери впустили в себя страдальицу вместе с десятком других спешащих на работу, тружеников офисов. Приятная прохлада кондиционируемого

воздуха слегка освежила, покрасневшее от быстрой ходьбы и всевозможных переживаний, лицо. Огромный рабочий улей в тридцать восемь этажей встретил привычной деловитостью и чопорностью. Люди с равнодушными, бесстрастными лицами сновали от входных дверей к лифтам и от лифтов к дверям. Каждый спешил по своим делам. Лица, как и на остановке, серьезные и озабоченные. Все внутри этого бизнес-монстра немного не настоящее, не живое. Как всегда, в первые секунды сердце похолодело и сжалось. Не заставила себя ждать и ежедневная дурацкая мысль: «Мы все здесь как роботы. Ненавижу это место. Ненавижу эту работу». Мысль эта, упорно возникала, помимо воли, изо дня в день. Послав к черту идиотскую, отвлекающую от рабочего настроения, и портящую настроение мысль, Аня, почти бегом направилась к лифту. Двадцатиминутное опоздание! Это ужас, кошмар. В ее фирме это равнозначно, как минимум, измене родине. Добравшись до рабочего места, Аня вздохнула с облегчением. Все тихо. Слава Богу! Первый счастливый момент за утро. Шефа еще нет. Спасибо! Спасибо! Спасибо! Никто не вынесет ей ее несчастный, уже и так исстрадавшийся за сегодня мозг получасовой нотацией о безответственном отношении к работе и нарушении трудового распорядка. И премиальных ее не лишат, что тоже, кстати, не маловажно.

Едва личный помощник генерального директора, коим являлась Анна Владимировна Свиридова, опустила в рабочее кресло, зазвонил мобильник. Аня страдальчески закатила глаза. Для полного счастья теперь еще брат Женя нарисовался.

– Да! – буркнула Аня, даже, не пытаясь, скрыть раздражение.

– Анька! Привет! – жизнерадостно завопил из трубки братец. А чего бы ему не быть жизнерадостным? Великовозрастному переростку, плывущему по жизни беззаботно и бездумно. Плывет себе так уже три десятка лет. Ловко цепляется за всех, кто рядом, очаровательная, эгоистичная рыба прилипала. Перекладывает свои проблемы на плечи других и в ус себе не дует, ни чувства вины, ни мук совести. Вполне доволен собой. Вполне счастлив. Великий паразит, врун и прохвост.

– Что тебе нужно? Я на работе. У меня нет времени. Так что, давай быстро.

В ответ слышится обиженное сопение. Но, видимо, дело важное и не терпит отлагательств. Брат решает не разыгрывать оскорбленное достоинство. По-прежнему жизнерадостно и дружелюбно переходит к делу.

– Анют! Мне очень-очень-очень нужна твоя помощь! Дело жизни и смерти!

Аня хмурит брови. Что ему что-то нужно, это и так понятно. По другим поводам он не звонит. И, естественно, всегда обязательно вопрос жизни и смерти. Видимо, ближайший родственник ведет очень напряженную жизнь, постоянно «ходит по лезвию» – жизнь-смерть. Почему нельзя сказать прямо, четко и ясно, что именно требуется? Почему нужно сначала сочинить что-нибудь душераздирающее и неправдоподобное. Скажи прямо, что хочешь: деньги, поручительство, почку? Что за цирк каждый раз? Целое представление, спектакль.

– Жень, что тебе нужно? Быстро и коротко! Только суть проблемы, без твоих привычных выкрутасов, иносказаний и, главное, без жалостных историй, я не мама. Давай, у тебя две минуты, время пошло, – командует сестра.

– Мне нужно, что бы ты сегодня приехала к нотариусу. Нужно кое-что оформить. Так, пустяк. Но нужна твоя подпись. – На одном дыхании сообщает брат. Голос в трубке уже не такой бодрый, скорее заискивающий и даже немного просительный. Брат умеет найти «нужный» тон, подходящий конкретной ситуации, что бы и не перегнуть и не слишком уж преуменьшить важность сказанного им.

Аня с силой сжимает вспотевшими пальцами мобильник. Волна злости, нет, бешенства, накрывает ее. Гаденыш! Паразит! Вертит матерью, как хочет, а она рада верить каждому его слову. Все вранье. Все те идиотские истории, которые брат постоянно рассказывает о своих трудностях, о неудачах в бизнесе, мать, хоть и далеко не глупая женщина, проглатывает. И еще сочувствует и жалеет бедного, несчастного Женечку. А-а-а-а!

– Нет! – говорит Аня и нажимает отбой.

Проходит пара минут и мобильный звонит снова. Мама. Кто бы сомневался, что братец кинется к мамочке за помощью.

– Анюта! Детка, привет! Как твои дела? – щебечет мать.

– Здравствуй, мам. Все нормально. – Хмуро отвечает Аня, в ожидании, когда, соблюдая светские условности, мать перейдет к делу.

Они не особо близки. Мать любит дочь, но пребывает в полной уверенности, что для того что бы любить, совершенно не обязательно понимать. Все их общение обычно сводится к двум темам. Когда Аня, наконец, выйдет замуж и как тяжело живется несчастному брату Женечке.

Разговор о замужестве Аня ненавидит. Причем мать, спросив в очередной раз, не появился ли достойный кандидат, и не собралась ли Аня, наконец, вступить в законный брак, годы-то ее уже не молоденькие, низменно сводит тему замужества к теме «потомства». Часть беседы, посвященная детям, обязательно сопровождается медицинскими терминами, видимо, что бы Аня более полно прочувствовала серьезность ситуации: «Аня, ты же понимаешь, что репродуктивная функция женского организма не вечна, – говорит мать, как кажется Ане, каждый раз с упреком. То ли считая дочь, ответственной за несовершенство функции связанной с деторождением, то ли виня ее в несерьезном отношении к данному вопросу. – Время идет. Яйцеклетки с каждым годом стареют. Уже пора задуматься о рождении детей. Сейчас тебе кажется, что ты еще молода и так будет всегда, и ты все успеешь. Но поверь, милая моя, оглянуться не успеешь, а уже будет поздно рожать, ты уже будешь старой для этого. Женщина создана, что бы быть матерью. Ну, и женой. Нет, я, конечно, не призываю тебя выскочить замуж за первого встречного. Упаси бог! Но пора, девочка моя, задуматься, сделать выбор. Тебе скоро тридцать! Это критический возраст для первых родов», – эта речь, произносится при каждой встрече. Какую цель преследует мать, кроме понижения уровня самооценки дочери и развития у нее комплекса старой девы, Аня не понимает. Но услышав:

– Ну, что Анюта, кто-нибудь есть на примете?

Ей хочется заорать:

– Нет! Никого! И мои стареющие яйцеклетки по-прежнему при мне, все до одной!

Почему-то, то, что старший брат Женя, тоже не спешит обзавестись семьей и нарожать себе киндеров, мать не волнует. Видимо, в репродуктивную способность сына она верит больше. Он, наверняка, будет мачо лет до ста двадцати. Это Аня сразу после тридцатника, критической точки отсчета, сразу пойдет морщинами и заодно утратит способность плодиться и размножаться.

Вторая любимая тема материнских разговоров, трудная судьба Женечки. Раздражает она не меньше, но тут хоть есть один маленький плюс. Можно просто сидеть и слушать, не подавая реплик, не высказывая мнения, и главное, не чувствуя себя в чем-то виноватой. «Бедный Женя! – трагически говорит мать, театрално прижимая руки к груди. – Я не представляю, как он выносит такое постоянное напряжение. Ведь вокруг него, постоянно, такие интриги! Буквально на каждом шагу ему вставляют палки в колеса. Конкуренты, и просто не порядочные люди, желающие получить что-нибудь за его счет. Его бизнес, это один нескончаемый стресс. Настоящий кошмар. Это же уму непостижимо, в каком страшном мире мы живем! Порядочный человек не может и шагу ступить, чтобы его не обманули и не обворовали!» – в этом месте мать, обычно, закатывает глаза. Лицо страдающее. В глазах слезы. Дрожащим голосом она продолжает: «Это все кончится тем, что он подорвет свое здоровье. Окончательно. Он ведь в постоянном стрессе. Бедный мальчик!» После этой реплики Аня всегда едва сдерживается от нового крика. «Твой бедный мальчик, вун, бездельник и паразит, – хочется заорать ей во все горло, – если кто и хочет что-то получить за чужой счет, так только он сам. Открой уже глаза, наконец! Взгляни на вещи как трезвый здравомыслящий человек! Какой бизнес, какие конкуренты, какие палки в колеса? Это все сплошные враки для тебя и тех наивных дурочек,

которые ловятся на смазливую физиономию и умение обаять женский пол своей болтовней. Он манипулирует тобой самым бессовестным образом, а ты не желаешь признать, что твой сын просто вытягивает из тебя все, что можно».

После встреч с матерью у Ани всегда было плохое настроение. «Я не хороший человек. Хорошие люди не испытывают желания кричать при разговоре с родной матерью». Встречи, к счастью, происходили не слишком часто. Но каждый раз перед предстоящим свиданием с женщиной, подарившей ей жизнь, Аня напрягалась и чувствовала себя раздраженной и подавленной уже за несколько дней до назначенной даты «семейных посиделок», что в ее глазах являлось лишним доказательством, что она человек «так себе».

– Анюта, у Женечки проблемы с его фирмой. Ему нужны деньги, чтобы что-то там уладить. Он сказал, что нужно сейчас перекрутиться, а через пару месяцев все уладится и компенсируется с лихвой. – Сообщает маман невразумительные подробности о несуществующих Женечкиных неприятностях. На этот раз брат даже поленился сочинить для матери что-нибудь душеспитательное, полное трагизма. В стиле «Санта-Барбары» или, наоборот, ледящего душу триллера. То ли выдохся, то ли понял, что, в любом случае, получит желаемое, так чего напрягаться.

Аня молча слушает материнский бред. Неужели она и вправду верит во все это?

– В общем, я оформляю на Женю дачу. Уже есть покупатель. Представляешь как удачно?! – в голосе матери неподдельный восторг от того, как чудненько все складывается. – Анюта, нужна твоя подпись. Женя договорился встретиться у нотариуса сегодня в половине первого.

Аня поднимает брови и округляет глаза. Такой наглости она не ожидала даже от брата. То есть он считает, что, если ему нужно, то все, сей же момент, должны все бросать и радостно скакать галопом, что бы отказаться от причитающейся им по закону собственности в пользу наглой, эгоистичной пиявки?

– Я против, – ледяным тоном говорит Аня. Родительская шикарная дача этому аферисту и вруну. С какой стати? Не столько жалко дачу, сколько возмущает просто беспредельная наглость брата. Дальше что? Попросит мать квартиру на него переписать? – И вообще, я работаю. Вот так среди дня никто меня никуда не отпустит, даже если бы я согласилась на эту безумную аферу.

– Аня! Ну, какая афера? Что ты такое говоришь? – голос матери, полный трагизма и страдания звенит обидой и негодованием. – Это твой брат! У него неприятности! Ему нужна помощь!

– У него всегда неприятности. И ему всегда нужна помощь. С четвертого класса, когда он школьный журнал сжег и утверждал, что это было самовозгорание, и он сам чуть не погиб, – буркнула Аня.

– Аня! Ну, что ты говоришь глупости? Женя тогда был ребенком, что теперь всю жизнь ему припоминать детские ошибки? Почему ты такая злая?! – голос в трубке начинает дрожать, слышатся всхлипывания.

– Мам! Он вертит тобой, как хочет, а ты идешь у него на поводу. Он, как всегда, профукает все деньги, а потом опять прибежит к тебе с новой слезливой историей, – сделала дочь попытку достучаться до, ослепленной материнской любовью, родительницы. Она знает, что это не даст результата, но все-таки стоит попробовать. Хотя бы для очистки собственной совести.

– Аня! – голос матери становится холодным и строгим. – Не знаю, зачем ты говоришь такие вещи. Это жестоко по отношению к Жене и несправедливо. Мы самые близкие друг другу люди и должны друг другу помогать, – в трубке сопение и новые всхлипывания, видимо относящиеся к тому, какую жестокую и бессердечную дочь она вырастила. Естественно, мать только изображает, что плачет. Психическая атака. Аня знает, что это игра на публику. Мать

ждет, когда в дочери проснется совесть, и она даст согласие помочь брату. Аня сдаётся, ей просто все надоело: «Пропади оно все...»

– Ладно. Только пусть перенесет встречу на вечер. Днем я не могу.

– Женечке вечером неудобно, у него какие-то важные дела. Ну, что у тебя на работе не люди? Что, если ты отпросишься, небо рухнет? Каждый поймет, что дела семьи имеют перво-степенное значение, – щебечет мать жизнерадостно-ласковым голосом. Молодец дочка. Хорошая девочка. Повыкаблучивалась, но, в конце концов, порадовала мамулю, пошла навстречу, не примкнула к многочисленному лагерю ставящих палки в колеса и плетущих интриги вокруг несчастного Женечки.

Аня в очередной раз испытывает желание заорать на мать. Сейчас она даже согласна быть нехорошим человеком. И еще ей ужасно хочется придушить родного брата. Самовлюбленного, эгоистичного, лживого мерзавца Женечку.

– Отправьте мне смс-кой адрес нотариальной конторы, – деревянным голосом говорит Аня и нажимает отбой. Еще секунда, и она бы не выдержала, сорвалась и все-таки накричала на мать. Выложила бы все, что думает, в том числе и свои фантазии о том, как становится братоубийцей.

Сквозь стеклянную перегородку кабинета Аня видит, как в офис, подобно небольшому урагану, врывается шеф. Хозяин фирмы скачет от стола к столу, делая сотрудникам замечания и раздавая указания. Маленький, подвижный, с торчащими в разные стороны жесткими рыжеватыми волосами он просто невероятно похож на сатира. «Наведя порядок» и загрузив, прямо на ходу, персонал работой, злобный сатир влетает в комнату, занимаемую его помощницей. Скачущей походкой он подходит вплотную к ее столу. Темные глазки подозрительно пробежались по комнате, как будто в попытке отыскать притаившихся недругов или парочку шпионов. Хорошенько все осмотрев и не обнаружив ничего подозрительного, взгляд начальника оставливается на помощнице, замирает двумя буравчиками, проникая прямо в душу. Аня уверена, что директор фирмы безумен. Эта вечная маниакальная подозрительность, нервозность. Боязнь каких-то заговоров, того, что сотрудники сливают информацию конкурентам. Постоянные проверки и слежка, вплоть до того, что просматриваются сайты, на которых побывали сотрудники. Самая настоящая паранойя.

– Доброе утро, Анна Владимировна. Как у нас дела? – приветствует шеф, снова забежав глазками по комнате и, даже, слегка наклонившись, заглядывает помощнице за спину. А вдруг она собой прикрывает какого-нибудь вражеского лазутчика?

– Доброе утро, Валерий Владимирович. Все в порядке, – отвечает Аня, уже успевшая привыкнуть к странному поведению параноика начальника. Сейчас ее больше всего беспокоит мысль, что придется отпрашиваться. И от этой мысли просто жить не хочется. Шеф, конечно, ее отпустит, но будет долго сверлить своими полусумасшедшими глазками и прочтет длинную лекцию, что личные проблемы нужно решать в свободное время, а не за счет работы. Рабочее время целиком и полностью должно быть посвящено делам фирмы. И т. д. и т. п. А в конце перейдет на крик и будет багроветь и наливать кровью, по мере того как воздух в легких будет заканчиваться от непрерывного ора, выпученные глазенки тоже нальются кровью и совсем вылезут из орбит. «Нужно увольняться, – уже в сотысячный раз за время работы с маленьким психом, подумала Аня. – Только куда?»

– Через пять минут зайдите ко мне. Нужно составить несколько писем и внести изменения в некоторые договора, – распорядился, ничего не подозревающий о крамольных мыслях подчиненной, шеф и вприпрыжку направился к дверям своего кабинета. Аня даже не сомневается, что под дорогими ботинками скрываются маленькие острые копытца.

Четыре письма, три договора, десяток «важных мыслей на будущее», куча всевозможных распоряжений и пометок «для исполнения». Голова уже идет кругом. Аня с тоской посмотрела в окно. За огромным стеклом, от пола до потолка, раскинулся шумный многолюдный город. С

тридцать шестого этажа, на котором располагается офис фирмы, открывается широкая панорама. Дома, машины, люди, кажущиеся маленькими букашками, спующими по улицам. Чистое безоблачное небо, освещенное ярким апрельским солнцем. Накатывает непреодолимое желание вырваться из этой клетки из стекла и бетона. На свободу. Сбежать от маленького, до чертиков надоевшего человечка. Аня уже больше полутора часов слушает неиссякаемый поток слов. А шеф и не думает останавливаться. Разнообразные идеи сыплются из его головы, как всякая дребедень из шляпы фокусника. Безостановочно выплескиваются пожелания, проекты, замечания. Шеф говорит быстро, отрывисто, перескакивая с темы на тему, яростно жестикулируя руками. Аня все записывает. Шеф, навряд ли, потом вспомнит и спросит. Но может. И обязательно именно то, что она не записала, посчитав ненужным и не важным, короче полным бредом. Сегодняшний день, явно, дурно на нее влияет. «Когда же ты уже заткнешься, наконец?» – крутится в голове одна и та же мысль на протяжении уже, наверное, получаса. Когда сил слушать, беспрерывно скачущего по кабинету, не замолкающего ни на минуту шефа уже совсем не остается, сознание, как будто, отключается и на смену агрессивно-вопросительной мысли является новая, депрессивно-риторическая: «Господи, как надоело все! Разве об этом я мечтала? Ведь такие планы строила, такой интересной свою жизнь представляла. А в результате, тоска полнейшая. Бессмысленный идиотизм изо дня в день. Как все изменить? Что делать со своей жизнью?» – становится жалко себя. Кажется, что жизнь не только не удалась, но уже практически закончилась. Что так, как сейчас будет всегда. Мысли лезут в голову, глупые и бессмысленные, жалость, злость, раздражение. Все совершенно не ко времени. Они толкаются в голове, напозают одна на другую, вытесняя собой слова шефа. У Ани уже рябит в глазах от его беготни. Она даже чувствует, что ее слегка подташнивает. Она не может больше ни слушать, ни видеть его. Если сейчас он не замолчит, она встанет и просто уйдет. Плевать, что будет потом.

– Так. Ну, вроде все, – Валерий Владимирович обводит взглядом кабинет. То ли снова мания преследования, то ли попытка вспомнить еще что-то важное, отыскать затерявшуюся мысль. Так или иначе, но он, наконец-то, иссяк. Выплеснул все, что накопилось. Слава Богу! Маленькие безумные глазки устремляются на помощницу. Смотрят с некоторым сомнением и подозрительностью. Взгляд на несколько секунд становится неподвижным и даже пугающим. Аня напрягается, но к счастью, шеф отводит взгляд от нее и даже изображает подобие улыбки. Хорошо поработали. Он доволен. Набегался, наговорился.

– Вам все понятно, Анна Владимировна? Знаю, знаю, Вы отличный работник. Это я так спрашиваю. По привычке, скорее. В Вас я не сомневаюсь. Вы, кадр надежный, проверенный, – снисходит до похвалы шеф и даже посмеивается, радуясь собственному остроумию и красноречию.

– Да, Валерий Владимирович, я все поняла и записала. Все документы подготовлю.

Аня вскакивает с кресла с такой поспешностью, как будто ее должны выпустить из заключения, и она до смерти боится, что тюремщики передумают и оставят ее и дальше сидеть взаперти. Все еще остается один вопрос. Неприятный, но необходимый. Аня глубоко вдыхает, и, ослепительно улыбаясь, говорит, как можно более проникновенным тоном:

– Валерий Владимирович, мне нужно уйти...

Как и предполагалось, вслед за ее просьбой состоялась лекция о дисциплине, обязанностях работников соблюдать интересы компании, и еще о многих вещах уже связанных не столько с работой, сколько с личностными качествами – порядочность, ответственность, чувство долга и даже интеллигентность и воспитание. Затем Аня стала свидетельницей удивительной смены всех оттенков спектра красного на лице шефа, от поросеночно-розового до, темно-бордового. В конце концов, когда, наоравшись и отдышавшись, психоватый руководитель дал добро на ее отлучку с рабочего места на два с половиной часа, с последующей отработкой, Аня

уже не могла с уверенностью сказать, кого она ненавидит больше, сумасшедшего начальника или родного непутового брата, из-за которого ей пришлось все это вытерпеть.

Два с половиной часа, естественно, нужно будет отработать в вечерние часы. Вмазать бы, как следует братишке, чтобы мозги встали на место, и припадочному шизанутому начальнику тоже. Он уже окончательно извел и ее, и всех остальных сотрудников фирмы.

С хмурым видом Анна Владимировна Свиридова направилась к лифту. Худший день в жизни! Все одно к одному. Хуже просто и быть не может! Мелодичное позвякивание возвестило о том, что приехал лифт. Двери бесшумно разъехались, пропуская молодую женщину внутрь просторной, сверкающей зеркально-хромированными поверхностями кабины. Взглянув на вытянутую панель с множеством светящихся кнопок, Аня ткнула пальцем в ту, на которой значилась единица. Створки дверей плавно соединились, лифт устремился вниз. Утверждение, что хуже и быть не может, было, естественно, вызвано расстроенными чувствами от навалившихся за этот день многочисленных неприятностей. На самом деле всегда может быть хуже. Вопрос только в том, насколько...

Глава 2. Старческий недуг – дело валится из рук

23 апреля

Лексус мигнул фарами, подтверждая, что сигнализация включена. Аркадий Леонидович Скворцов направился к дверям лифта. Опустив руку в карман пиджака, владелец дорогой машины, коснулся кончиками пальцев гладкой поверхности пластикового пузырька. Аркадий Леонидович до сих пор не был уверен, что это правильное решение. Но ничего другого в голову не приходило. Так больше продолжаться не может. Он должен быть в форме. Это необходимо. Плохое самочувствие отрицательно сказывается на бизнесе. Он уже начинает забывать какие-то вещи. Раньше такого никогда не случалось. Раньше, конечно, у него и проблем таких не было. Проблем со сном, то есть бессонницы, старческого недуга, можно сказать. Причем, его бессонница была очень своеобразной. Он ложился спать. Засыпал легко и быстро. Как обычно. А потом ему снился сон. Каждый день один и тот же, странный, скорее дурацкий и бессмысленный, чем пугающий. Но он всякий раз, во время него, просыпался. Всегда на одном и том же месте. И потом все. Как отрезало. Больше он не мог заснуть, хоть ты тресни. Он пробовал выпивать бокал коньяка в качестве успокоительного. Принимал ванну с успокаивающими и расслабляющими маслами и травами. Складывал четырехзначные числа. Считал овец. Да чего он только не пробовал. Сначала его это не особо беспокоило. «Пройдет. Может усталость. Стресс...» – говорил бизнесмен сам себе. Даже посмеивался над собой. Не рано ли, в тридцать пять обзавестись старческим заболеванием? Но, по прошествии полутора месяцев постоянного недосыпания, после того как он стал чувствовать себя усталым, разбитым и раздраженным. Стал забывать сделать что-то важное по работе, Аркадий Леонидович забеспокоился всерьез. Он владелец крупной компании. На кону стоят большие деньги. Заеваешься, наделаешь ошибок и даже не заметишь, как пойдешь ко дну, и все развалится.

Очень не хотелось прибегать к лекарственным средствам. Скворцов был человеком крепкого здоровья. Противником всяких таблеток и пилюль. Но тут дело действительно серьезное. Пока не появится альтернатива или странный недуг не пройдет сам собой, придется принимать снотворное. Просто не спать больше нельзя. У него уже и так начали справляться о самочувствии, мол, выглядите Аркадий Леонидович не очень. Это плохой знак. Двери лифта открылись, и разучившийся спать бизнесмен направился к своему офису.

– Аркадий Леонидович! Здравствуйте! – поприветствовала начальника секретарша Саша. Устремившись, вслед за шефом, Саша прямо на ходу добросовестно докладывала обо всем, что произошло во время его отсутствия.

– Звонили из «СМПАТТ», сказали, что хотели бы переговорить с Вами лично. Еще звонили с телевидения. Спрашивали, будете ли вы, участвовать в ток шоу, молодых, успешных бизнесменов. Просили дать Ваш номер телефона. Но я не дала, – Саша испуганно посмотрела на начальника. Вдруг нужно было дать? Телевидение все же...

Аркадий Леонидович кивнул и попытался изобразить улыбку. Вид у него был замученный. Лицо осунувшееся. Веки покрасневшие. Не особенно заметно, но для Саши, знавшей каждую черточку на лице начальника, заметно и даже очень. Сердце девушки сжалось. А вдруг у него какая-то страшная болезнь? Или на него наехали страшные мафиози? Или еще, что-то серьезное. Да неважно, что. Она видела, что, что-то не так. Шефа, как подменили. Он стал совсем не таким, как обычно, бодрым, энергичным, таким полководцем своей маленькой армии. В последнее время он был вялым, невнимательным. Казалось, что он все время уставший и ему все безразлично. «Бедный! Столько работает. Тут, кто хочешь, не выдержит и заболит» – Саша почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

– Молодец! – похвалил Аркадий Леонидович преданную, исполнительную Сашу. Девушка расцвела счастливой улыбкой. – Никаким телевизионщикам номер не давай. Потом

не отвяжешься. И, естественно, ни в каком шоу, хоть ток, хоть ни ток, я участвовать не собираюсь. Я что клоун, что ли? У них там чушь одна. Ладно бы, что то действительно интересное и нужное показывали.

Оглядев стол и просмотрев лежащие на нем бумаги, Скворцов взглянул, на, преданно смотревшую, на него, Сашу.

– Принеси мне договор с металлургическим заводом. Их представитель звонил, через час приедет на встречу.

– Вы же этот договор вчера домой брали. Сказали, что вечером внимательно изучите... – подсказала девушка.

Скворцов побарабанил пальцами по столу, пытаясь вспомнить вчерашний вечер. Куда же он, черт возьми, тогда дел этот самый договор. Вечером заезжали друзья детства Мишка и Толян. И никакой договор он точно не читал. Ага! Вспомнил. Он его вынимал сегодня из портфеля в машине, когда в пробку попал. Думал почитать, но движение восстановилось, и он бросил бумаги на сидение рядом с портфелем. А когда выходил из машины, портфель взял, а про договор забыл. В общем, еще одно подтверждение, что он стал рассеянным и невнимательным склеротиком, с мозгами, ослабленными стариковским заболеванием. Рука непроизвольно пощупала карман пиджака. Пузырек с таблетками был на месте. Видно, никуда не денешься, теперь они неотъемлемая часть его жизни. Залог его нормальной жизни, скажем так.

– Точно, Саня! Я, голова садовая. Старый стал, все забываю, – ослепительно улыбнулся Скворцов секретарше. Сердце девушки затрепетало. Скажет тоже, старый! Да, он же... да, он самый замечательный. Самый, самый... «Я люблю Вас, Аркадий Леонидович!» – хотелось крикнуть ей уже, в который раз. И уже, в который раз она опустила глаза и отошла подальше от стола начальника. «Вот, дура!» – мысленно обругала себя влюбленная секретарша.

«Черт! Придется сейчас тащиться на стоянку. Вот, придурок! Прямо склеротик какой-то!» – сам себя обругал «самый, самый», молодой удачливый бизнесмен, даже не подозревая, что не он один занимается, в данный момент, самобичеванием в стенах этого кабинета. Скворцов направился к лифту. Нет, сегодня же он примет эти проклятые таблетки и, наконец, выпится как человек. Он, по крайней мере, очень на это надеялся. Не может же лекарство не подействовать. Запретив себе думать об этом, паниковать и накручивать себя, Аркадий Леонидович нажал кнопку вызова. Нужно всего-навсего спуститься на -2 этаж, на парковку и забрать договор с сидения собственного автомобиля. И не трудно, и не долго, но он чувствовал сильное раздражение по поводу собственной забывчивости и неорганизованности. «Нервный, ты, стал, дерганный», – поддразнил себя бизнесмен. Каждую ночь повторялась одна и та же история. На два-три часа Скворцов проваливался в абсолютную черноту без сновидений. Или, если они и были, то не запоминались и не оставляли никакого следа в сознании. А потом наступало время того самого сна. Как это часто бывает, когда человек спит, история не имела ни начала, ни конца. Да и особого смысла в ней тоже не было. Если уж, совсем начистоту, история была странной и нелепой до абсурда. Но так как дело происходило не в реальности, а во сне, нелепость, нелогичность и бессмысленность происходящего не вызывала какого-либо удивления и желания задаться вопросом: «А что, собственно говоря, вообще твориться и к чему это все?». Сам сон был такой: Аркадий Леонидович находился в лесу. Обычный лес. Деревья как деревья, трава как трава. Средняя полоса, судя по внешнему виду растительности. Вокруг полная тишина. Ни одного звука. Сам сновидец шел по узкой тропинке. Вокруг, между деревьями, густыми белыми клочьями, напоминавшими куски ваты, висел туман. Аркадий Леонидович откуда-то знал, что впереди на тропинке кто-то есть. Он так же знал, что должен догнать этого кого-то. Почему-то это было очень важно. Он ускорял шаг, а потом и вовсе переходил на бег. И вот, в конце концов, он видел впереди себя фигуру в темной одежде. Он не мог понять, сколько ни пытался, мужчина это или женщина. Увидев темную фигуру, он продолжал бежать за ней. И чем ближе он подбегал, тем отчетливее понимал, что когда догонит этого человека, он... убьет

его. На этом, сон, всякий раз, обрывался. Аркадий Леонидович понятия не имел, за кем он гнался. Почему должен был убить этого неизвестного. Никакой ненависти или злобы во время сна он не испытывал. Сон не был страшным, наводящим ужас, скорее неприятным. Не считая того, что он был бессмысленным, навязчиво-повторяющимся и в нем Скворцову, возможно, предстояло стать убийцей, было что-то отгалкивающее и жутковатое в самом лесу, в котором он находился. Что-то гнетущее и зловещее. «Может, я схожу с ума? Может, вообще никакого сна нет? Просто слишком много работы, вот и долбануло по мозгам?» – время от времени задавал сам себе вопрос Скворцов. Но он был уверен, что странный сон, действительно, снится ему каждую ночь, а не является плодом фантазии, перегруженной работой и стрессами, психики. И что его внезапная бессонница вызвана именно этим чертовым сном. Другой вопрос почему, по какой причине ему снится такая белиберда, да еще, так губительно влияет на его здоровье и работоспособность.

Сегодня, на приеме у врача, к которому пришлось пойти, что бы получить рецепт на таблетки, Аркадий Леонидович пытался рассказать о своих ощущениях, о навязчивом сне. Но докторша, симпатичная, ухоженная шатенка, наверное, его возраста, явно приняла его слова не всерьез. А вернее сказать, она его просто не слушала. Она, конечно, старательно делала вид, что она само внимание и полна участия и желания помочь. Но он видел, что мысли ее далеко. Ей наплевать на его проблемы, сны и на то, что его беспокоит. Осмотреть пациента, выслушать основные жалобы без подробностей, пожалуйста. А все остальное, это уж извините! Это ей до лампочки. Он же не помирает, в конце концов. Вполне здоровый, можно сказать цветущий мужик. Выдумывает мнимые, несуществующие проблемы. Ну, так это его собственные трудности. Скворцов хорошо умел читать лица. Работа требовала распознавать если не сами мысли собеседника, то хотя бы их направление и общий настрой.

В конце приема, чуждая чуткости докторша, выписала ему снотворное и, улыбаясь бело-зубой улыбкой фотомодели, очень умело и ненавязчиво намекнула, что она бы не прочь продолжить знакомство, например, поужинав как-нибудь вместе. Он сделал вид, что не понял намека. Во-первых, он был измотан длительным недосыпом, и слишком занят на работе, чтобы сейчас устраивать подобную встречу. А, во-вторых, Аркадий Леонидович терпеть не мог непрофессионализма в любой сфере. Врача, которому наплевать на пациента, трудно назвать профессионалом. А уж врач, которому плевать на проблемы пациента, но при этом он пытается с этим самым пациентом флиртовать и заигрывать, не то что не профессионал, а что-то прямо противоположное. В общем, равнодушная докторша осталась, как старуха из сказки у разбитого корыта. Отличный шанс уплыл, можно сказать, прямо из рук медработницы. Которая не соизволила проявить чуткость и выслушать нытье и бредни зажавшегося, пресыщенного жизнью, мужика.

Двери лифта распахнулись. Скворцов слегка кивнул и улыбнулся девушке, находившейся в лифте. Простое проявление вежливости. Ничего такого, упаси бог! Девушка, погрузившись в какие-то свои мысли, не обратила внимания на знаки приветствия, по крайней мере, оставила их без ответа. Аркадию Леонидовичу было это до лампочки, как и сама девушка. Он видел ее в первый и, скорее всего, в последний раз в жизни. Судя по деловому костюму, работает в одном из офисов. Менеджер или секретарь. Довольно симпатичная, но почему-то тщательно это скрывает. Слишком строгий покрой костюма. Серый, неприметный цвет. Белая блузка застегнута на все пуговицы. Большие очки в темной оправе. Густые русые волосы подстрижены по плечи. Расчесаны волосок к волоску, настолько аккуратно, что вспоминаются старушки из американских фильмов, живущие в пригороде, все как одна, ненатурально чистенькие, опрятные, с приклеенными улыбками в тридцать два зуба. В общем, случайная спутница произвела впечатление очень аккуратной, очень интеллигентной и очень-очень скучной молодой женщины. Попросту говоря, полной зануды. Даже красивые ноги и довольно большая грудь не компенсировали ощущения скуки и чрезмерной правильности, исходящих от нее. Такие

женщины наводят тоску и вызывают у мужчин единственное желание – переключить взгляд на любую другую представительницу женского пола, хотя бы чуть-чуть меньше походящую на оживший манекен. Закончив с мысленной характеристикой своей спутницы, Аркадий Леонидович тут же забыл о ее существовании, переключившись на текущие рабочие дела. Мысли ворочались в голове медленнее, чем ему хотелось бы, чем он привык. Это ужасно раздражало, являвшегося по натуре чрезвычайно активным и деятельным, бизнесмена.

На восемнадцатом этаже, выдав очередную трель, лифт впустил внутрь себя еще одного пассажира. При виде нового пассажира, скучная, излишне правильная девушка, забыв о приличиях, на пару секунд, вытаращилась и открыла рот. «Вот это да!» – восхитился Скворцов. Он чуть не захохотал, представив лица сотрудников и клиентов, явись он на работу в таком виде, как вошедший. Просто рехнулись бы все, наверное.

Глава 3. Звезда

23 апреля

Спортивный автомобиль вильнул влево и, подрезав Тойоту, пристроился следом за минивэном в ожидании, когда можно будет обогнать очередного тихохода и рвануть вперед. Водитель «японца» возмущенно посигналил придурку, из-за которого ему пришлось резко затормозить, в результате чего, его едва не поцеловала в зад идущая за ним машина. Юлик повернул голову, в сторону раздувающегося от негодования нервного владельца внедорожника, и ухмыльнулся.

– Звезда едет, дятел! Посторонись! – жизнерадостно крикнул он, нисколько не заботясь тем, что толстый, лысый дядька, ведущий Тойоту, никак не может его слышать. – Нечего тут бибикать. Наслаждайся моментом, что можешь погреться пару минут в ослепительных лучах. Считай, сегодня твой счастливый день, а ты дудишь!

Юлик засмеялся, радуясь собственной шутке. В это время впереди образовался узкий просвет между машинами. Юлик прибавил скорость и направил своего жаждущего быстрой езды железного коня, в образовавшееся пространство. Сзади снова начали сигналить. «Одни психи на дороге!» На этот раз Юлик не удостоил взглядом любителей подудеть. На всех нервных не насмотришься, да и не интересно.

Кто-то, говоря о роде своей деятельности, может сказать: «Я педагог, – или, – я инженер, врач, парикмахер, уборщица». Можно перечислять бесконечно. Все «профессии нужны, все профессии важны», знает каждый, с самого детства. Но есть профессии «обычные», а есть «особенные». Такие, которые одним своим названием вызывают чувство легкого трепета, зависти и неудовлетворенности собственной скучноватой работой и заурядной жизнью. Представитель «особенной» профессии сразу предстает в глазах окружающих в некоем ореоле значимости, таинственности и недостижимости. Кажется героем или счастливчиком, или необычайно умным или талантливым. Баловнем судьбы, избранным. В общем, такой человек представляется не таким как все, особенным, выделяющимся из общей массы. Юлиан Захарович Краснов был одним из тех самых, не таких как все. Особенным. Он выделялся, всегда и везде. И он был не кем-то там. Он был звездой. И он был счастлив от того, что не является какой-нибудь серенькой заурядностью, никчемной посредственностью. Нет, он не один из миллионов похожих и безликих. Он другой. Единственный. Эксклюзивный. Он звезда! Один из немногих избранных, обласканных судьбой, одаренных талантом и признанием. Он купается в славе. Его знают. Его узнают. Не везде и не всегда, но все же. Поклонницы сходят с ума. Забрасывают его во время выступлений кружевным бельем. Поджидают у дверей. Выслеживают у ресторанов, на автостоянках, возле съемочных площадок. Они в исступлении выкрикивают его имя, впадают в экстаз, рыдают, признаются в любви. Ему пишут сотни писем, присылают фото. Случается, что фанатки даже устраивают потасовки друг с другом. Он звезда! И он даже думать не хочет, как можно жить без всего этого, и как живет серая масса, окружающая его. Ужас! Как бы он жил как все? Пустой, бессмысленной жизнью. Нет, нет, нет! Никогда. Это вообще не жизнь. Бррр! По доброте душевной Юлик, даже, немного жалел сереньких, скучных, никчемных обывателей, лишенных настоящей жизни. Им не повезло. Все они, наверняка, ужасно несчастны и мучаются каждый день, каждый час своей никчемной жизни. Но долго думать о других Юлик не любил. У него слишком напряженная, насыщенная собственная жизнь. На других времени, практически, нет. Он слишком занят собственной персоной, обожанием себя. Если уж совсем на чистоту, его собственная жизнь, конечно прекрасна и удивительна, но очень даже не проста и полна своих сложностей. Кому многое дано, как говорится, что там дальше Юлик не помнил, но это не важно. У него имелась собственная трактовка данной фразы. «Кому многое дано, тому приходится прилагать много усилий, что бы это «дано» становилось еще

больше и, самое главное, никуда не девалось». И Юлик прилагал усилия, практически не зная ни сна, ни отдыха. Чего стоили одни только съемки? Это на экране все быстро и складно. А когда тебя снимают, из тебя выжимают все соки. Постоянно что-то приходится переделывать. Постоянно режиссер чем-нибудь недоволен. Он, видите ли, представляет «это» по-другому. То чего-нибудь нужного для съемки не оказывается на месте или что-то ломается, и приходится ждать, ждать, ждать. А когда все на месте, все починили, все собрались в кучу и готовы, наконец, снимать, оказывается, что освещение не такое как надо. И просто чудо, что съемочные площадки не покрывают горы трупов. Нервы у всех на пределе, и желание убить кого-нибудь возникает за время съемок не раз и не два. Нет, быть звездой трудно. Это титанический труд, ежедневный подвиг, если уж на то пошло. Приходится постоянно быть «в форме», поддерживать имидж, ухаживать за собой. Зрители и поклонники должны видеть тебя неотразимым, блистательным. Они должны восхищаться тобой, обожать своего героя, боготворить. А концерты, турне? Это же страшное испытание! Уж точно не для слабонервных. Едешь в какую-нибудь тьму-таракань, где гостиница дрянь, еда отстойная, развлечений и удобств ноль. Как ни крути, с какой стороны не посмотри, а удел звезды – быть великомучеником.

Задумавшись о своих жизненных трудностях, Юлик так расчувствовался, что не заметил, как сбросил скорость и теперь плелся за потрепанным фольксвагеном. Тряхнув головой, Юлик нажал на педаль газа. Это просто унижительно, тащиться следом за этим ржавым ведром. Крутанув руль, он обогнал выдавшую виды развалюху и, лихо проталкиваясь вперед, вынудил водителей нескольких машин пропустить его. Юлик гордо устремился, по отвоеванному им у менее решительных водителей, свободному участку дороги. Вслед спортивному автомобилю неслись целый хор возмущенных разноголосых сигналов. «Что за народ? Козлы! Ну, ползешь ты как черепаха, ну и ползи. Но чего нормальным людям, с нормальными тачками кровь портить? Возмущаются они. Да нечего зевать, отъезди вовремя в сторону, доходяга, пропусти человека и ползи себе дальше». Юлик разозлился и хотел сам посигналить этим придуркам, но потом решил, что те, кто впереди него примут это на свой счет и тоже начнут психовать. Ну их всех. Одни невротики на дороге. Как только права получают с такими нервами?

Выкинув из головы слабонервных автовладельцев, Юлик вернулся мыслями к более важному, значительному, а, главное, намного более приятному – к собственной персоне. Итак, на чем он остановился? Да, точно. На том, как трудно ему живется. Он чувствовал, что устал. Ему необходим отдых. Настоящий, такой, что бы оторваться по полной. Чтобы не банально, а как-нибудь эдак-разэдак, с изюминкой. Что-то из ряда вон. Какое-то настоящее приключение, что бы дух захватывало. Творческому человеку нужно что-то необычное, запоминающееся. От тоски и обыденности талант увядает. Его, как редкий цветок, нужно холить и лелеять.

Холя и лелея себя любимого и свой талант, Юлик тратил баснословные суммы. Являясь рабом самого себя, он прикладывал невероятные усилия, что бы, не дай бог, не дать себе заскучать, закинуть. Юлик свято верил, что окружать себя дорогими вещами, покупать одежду от кутюр, посещать стилистов, парикмахеров, массажистов, СПА, сауны, солярии и всю прочую ерунду, это не просто прихоть и пустая трата денег. Это его обязанность перед самим собой, ну и перед публикой. Он должен блистать. Восхищать. Он должен быть тем, на кого хотят быть похожими, кому подражают. Кумиром, предметом желания и поклонения.

По несколько раз в неделю тело звезды от макушки до пяток, подвергалось тщательному уходу с проведением всевозможных процедур, направленных на поддержание его в должной форме. Для этих целей был задействован добрый десяток самых разных дорогостоящих специалистов, умеющих превращать обычного человека, самой средненькой наружности и телосложения, в идеальное, безупречно выглядящее создание. Волосы Юлика стригли, красили, укладывали минимум раз в три дня. Ногти полировали, обрабатывали, втирали в них масла, покрывали защитным лаком. Тело массировали, обертывали грязями и целебными масками. Внешние образы, один экзотичнее другого, сменялись с такой стремительностью, что Юлик, и

сам уже не мог вспомнить, как он выглядел до того, как начался его звездный взлет. Вся эта суета по поддержанию имиджа была бездонной прорвой, поглощавшей дензнаки в огромных количествах, и, с такой же скоростью, с какой, Юлик менял собственную внешность. Гонораров не хватало. Львиную долю расходов оплачивал отец, большая шишка. А еще машина, квартира, дорогая одежда, все только лучшее. Рестораны, развлечения. Да, что уж там говорить, жизнь звезды трудна и чрезвычайно затратна. Денег нужно ого-го сколько, страшно представить. Спасибо папе, а то бы пропал талант и сам Юлик, вместе с ним, во цвете лет. Захач и засох бы, без соответствующего ухода и обращения.

Но самым ужасным было то, что все быстро приедалось. Конечно, слава, признание, приглашения на съемки, тусовки, шикарный отдых – это все здорово. Но во всем этом уже не было новизны. А душа просила, даже требовала, чего-то такого, нового, еще не испытанного и не опробованного. Новых ощущений. Радости. А какая радость, когда все надоело. Скука. Тоска. Естественно, к понятию новое и не опробованное не относилась никакая наркота. Упаси бог. Юлик себя любил. Самому себе рыть могилу он уж точно не собирался.

Юлик почувствовал себя несчастным. Какая несправедливость! Он буквально горит на работе. Себя не жалеет ради других. А ему что? Вот что спрашивается?! Почему никого не волнует, что он страдает? Вокруг одни страшные эгоисты, думающие только о себе! Вот кто-то скажет, что страдает несчастный инженер, отец семейства из десяти человек, получающий копеечную зарплату, и днем, и ночью занятый мыслями, как свое многочисленное семейство прокормить. Как бы не так! Ничегошеньки он не страдает. Что надо этому плодовитому дипломированному специалисту с крошечной зарплатой? Денег. Чтобы семью свою накормить, наконец, да приодеть. Так ему, рано или поздно дадут какую-нибудь премию или, может, зарплату прибавят. И все. Человек счастлив. И вся семья счастлива. Сыты все, одеты, ничего больше не надо. А он, Юлик? Ну, к примеру, подпишет он хороший контракт. Ну, получит деньги. И, что?! Что он от этого счастлив, что ли будет? Да, ничего подобного! Он звезда! Ему нужно, что то особенное! Что ему деньги? Он выше этого! Так, кто получается, действительно, страдает? Уж понятно, что не многодетный папаша. Тут не нужно быть семи пядей во лбу, что б это понять...

Впереди показалось темное, тянущееся вверх здание с зеркальными окнами. Юлик свернул вправо, к въезду на подземную парковку. Место это Юлик терпеть не мог, впрочем, как и все, подобные места. Сплошное уродство и скука смертная. Постные лица. Блеклые цвета. Одежда как у членов парламента – дорого и скучно до смерти. Но сегодня его агент, Геныч, категорично заявил, что сам приехать не сможет, а встретиться нужно срочно. Пришлось звезде самой тащиться к наглому агенту.

Машина заехала на подземную стоянку. Окинув взглядом стройные ряды иномарок, Юлик заметил свободное место и, надавив на газ, лихо заехал на него, едва не задев соседнюю машину.

Потребовав у секретарши Геныча принести свежесжатый грейпфрутовый сок с ломтиком манго, Юлик, с царственным видом, проследовал в кабинет агента.

Геныч сидел, уткнувшись носом в какие-то бумаги, разложенные перед ним на столе, и даже головы не соизволил повернуть в сторону вошедшего посетителя.

– Здорово! – поприветствовал Юлик.

– Здорово, здорово! – нараспев, ответил Геныч, по-прежнему, не отрываясь от бумаг.

«Гондон!» – мысленно обозвал хозяина кабинета Юлик и, окинув помещение взглядом, задержался на здоровенном, мягком, бесформенном кресле ядовито-оранжевого цвета. «Новое Лоркино приобретение. Геныч, небось, чуть из окна не выбросился, когда увидел» – ухмыляясь, позлорадствовал Юлик. Жена Геныча, Лора, обожала всякое такое – очень дорогое, вызывающее и, в основном, бесполезное и не пригодное для использования. Кабинет Геныча был битком набит экстравагантными дорогими вещами. Сам он, в строгом костюме и крахмальной

сорочке выглядел на фоне всего этого ультрамодного и ультрасовременного инородным пятном, непонятно, каким образом, очутившимся здесь. Но Лору это мало волновало. Она считала, что звездным клиентам мужа, нужна именно такая обстановка. Неизвестно, что думали по этому поводу остальные звезды, но Юлик любил дорогие, кричащие и вызывающие вещи, считая, что они хорошо сочетаются с его собственным, крайне экстравагантным стилем.

Подойдя, вразвалочку, к необъятному монструозному порождению, явно не вполне здоровой дизайнерской фантазии, Юлик с размаху плюхнулся в самую середину гигантского кресла. Бездонное ярко-оранжевое болото моментально всосало в себя тщедушное тело звезды, и Юлик завис в нелепой позе, завязнув в бархатистых колышущихся недрах, как муха в желе. Придя в себя, Юлик затрепыхался, пытаясь принять нормальное положение. Не тут-то было. Проклятое кресло цепко держало пойманную жертву в своих объятиях. Все, чего смог добиться Юлик, это того, что теперь он висел, перекосившись не на правый бок, а на левый. Ноги, обутые в тяжелые тупоносые ботинки на толстой подошве, торчали вверх двумя тонкими спичками. «Почему дизайнерская мебель всегда такая дебильная?» – со злостью подумал Юлик. Считая, что за бешенные деньги люди имеют право хотя бы на минимум удобства. Но, по всей видимости, известные дизайнеры, проектирующие подобные вещи не разделяли не компетентного в данном вопросе, мнения звезды российского шоу-бизнеса. Удобную мебель можно купить и в обычном магазине. А, приобретая «шедевры», спроектированные «великими» от мира дизайна, вы получаете не просто кресло, стол или шкаф. Вы присоединяетесь к избранным. Становитесь обладателем не банального предмета обстановки, но символа благосостояния и респектабельности. Не имеет абсолютно никакого значения, что данной вещью неудобно или даже невозможно пользоваться. Она ваша. Вы владеете ею, а значит, всем ясно, что вы и кто вы. Ваша значимость и успешность очевидна. Вы – высшая лига.

Пока Юлик продолжал сражаться с тоннами синтетической набивки, перекатывая по ним тощие ягодицы, и дрыгая ногами, в попытках встать, в кабинет заглянула секретарша Геныча. Миловидное умненькое лицо девушки выражало озабоченность и некоторую растерянность. Она повернулась в сторону Юлика. Чтобы не выглядеть уж совсем идиотом, пришлось на время прекратить попытки освободиться и замереть, зависнув, теперь, почти прямо, но с наклоном вперед.

– Юлиан Захарович! Вы, просили свежесжатый сок. Я, к сожалению, нигде не могу найти пресс для цитрусовых. Все соседние фирмы обегала. Ни у кого нет, – виновато сообщила секретарша. И уже совсем тихо добавила: – Да и грейпфрутов тоже нет... – она с надеждой посмотрела на Юлика. – Может, Вам, из пакета сок налить?

У нее были прекрасные серые глаза, но Юлик был не в лучшем расположении духа и решил, что не купится на красивые глаза.

– Ты, знаешь, что сок из пакета это, практически, чистый яд, сплошная химия? – возмутился он. – Там знаешь, сколько всякой дряни? Рядом с вами какой-то французский ресторан. Позвони туда. В этой забегаловке, наверняка, есть доставка, – капризно сказал, висящий под углом 45 градусов, Юлик, – а нет доставки, так отправь кого-нибудь.

Девушка застыла. Прекрасные глаза сделались круглыми. Геныч, видимо решив, что пора вмешаться и спасти сотрудницу от ненормального клиента, наконец, оторвался от бумаг:

– Все нормально Люся. Никакого сока Юлиан Захарыч не хочет. Это, они так шутят. Звездный юмор. Ха-ха! Принеси нам кофе, – он, ободряюще кивнул, и секретарша, с просветлевшим лицом, выскользнула за дверь.

– Я не пью кофе с кофеином! – крикнул Юлик, в уже закрывшуюся за Люсей дверь и снова затрепыхался в своей ловушке. – Дебильное кресло! На хрена его здесь поставили?! Небось, твоя женушка кучу бабок отвалила за это говно?!

Геныч посмотрел на дергающуюся, вопящую звезду и наглым образом заржал.

– Придурок! – взвизгнул Юлик. – Чего ты ржешь?

– Ты в курсе, что у тебя на голове радуга? – давясь от смеха, с трудом выговорил хозяин кабинета, даже не сделав попытки помочь своему клиенту встать. – Ты похож на поняшку из детского мультика. У меня дочка смотрит.

Юлик, наконец, выбрался из мягкой западни и теперь сердито смотрел на смеющегося Геныча.

– Ты не в теме. Ты в моде вообще не сечешь. Ходишь, как лох. Костюм, галстук. Сдохнуть можно от скуки, глядя на тебя, – надменно сказал Юлик, очень надеясь, что его новая прическа не пострадала во время сражения с проклятым оранжевым монстром. – Со знаменитостями работаешь, а одеваешься как какой-нибудь вшивый менеджер или агент из похоронного бюро. Выглядишь как идиот!

Геныча, нисколько не тронула критика звезды:

– Юлик, тебе уже почти тридцатник, а ты все мальчика из себя изображаешь. Не пора сменить имидж на что-то более мужественное, brutальное? Образ придурковатого подростка уже пора превратить в приятное твоему сердцу воспоминание, но не продолжать пребывать в нем.

– Ты, просто завидуешь. Не умеешь наслаждаться жизнью. Занудный и посредственный человечешко. Тебя окружают творческие, одаренные люди, а ты сам можешь только бумажки переключивать, да на калькуляторе щелкать. Вот тебя и гложет черная зависть, что сам живешь уныло и однообразно. Тебе расслабиться не хочется? Выкинуть что-то этакое? Жизнь мимо проходит, Геныч. А ты сидишь, уткнувшись в бумажки. Тоска!

Геныч вздохнул и развел руками.

– Да, Юлик, да. Такой вот я скучный человек. Не хочу я радугу на голове, не хочу, что бы в меня пальцем тыкали и тарасились, как на маргышку в цирке. Я чего тебя звал, – сменил тему агент. – Завтра нужно ехать на студию на пробы. Хорошее предложение. Хорошая роль. Правда, с таким причесом, даже не знаю. – Геныч с сомнением посмотрел на разноцветье, на голове Юлика. – Ну, да ладно. Если все срастется, переобразишься. – Заметив, что Юлик весь раздулся от возмущения и уже готов начать орать, Геныч примирительно сказал: – Да ладно, парик тебе подберут. Уж извини, в девятнадцатом веке даже представить себе люди не могли, что можно взять и выкрасить башку во все цвета, имеющиеся в природе. Тогда все были скучные, знаешь ли, никто не умел жизнью наслаждаться и выкидывать что-нибудь этакое.

Вошла Люся, неся на большом подносе кофе и печеньки.

– С кофеином? – капризно спросил Юлик. Вообще-то аромат, исходивший от дымящихся чашек, пробудил в нем желание выпить любой кофе, хоть с кофеином, хоть без него, но нужно «держать лицо».

– Без, – соврала Люся, не моргнув глазом. Геныч, слегка наклонил голову, скрывая улыбку. Секретарша прошла суровую школу работы с капризными звездами и знала когда и что нужно сказать. Конечно, сегодня Юлик смог-таки выбить ее из колеи со своим соком, но Юлик это, вообще тяжелый случай. Иногда он даже самого Геныча умудрялся вывести из себя. У него особые способности к тому, что бы доводить людей до невменяемого состояния. Талант, можно сказать.

Просмотрев бумаги присланные киношниками, решив другие накопившиеся бумажные вопросы и изрядно заскучав от всего этого, Юлик обратился к Генычу со своим, крайне важным вопросом-требованием:

– Мне скучно! – начал он, сразу с главного. Видя, что занудный Геныч не понимает суть того, о чем он ему говорит, Юлик пояснил:

– Я хочу развлечься. Хочу праздника. Чего-то такого. Что бы новые впечатления. Что бы интересно, что бы дух захватывало. Ты вообще понимаешь, о чем я? Или в твоём мире тоски и занудства слово праздник, в принципе, не существует? – Юлик победно посмотрел на Геныча.

Ага, сделал тебя? Уел? Но Геныч, не обращая внимания, на ехидные намеки, пожал плечами и с саркастичной улыбкой спросил:

– Может, тебе в Понивиль отправиться, к своим? Повеселишься там, с жизнерадостными поняшками? У них, кстати, на заднице татушки. Ты себе еще не сделал? – заржал Геныч и нахально уставился на шикарную прическу Юлика, за которую тот вчера отдал ни много, ни мало триста пятьдесят баксов. И то, это ему скидку сделали, как постоянному клиенту, а так подобный шедевр все пять сотен стоит.

– Ты debil?! – почти сочувственно спросил Юлик. – Ты, мой агент, а значит должен не только обеспечивать меня работой, но и всем остальным, что бы я хорошо себя чувствовал и был в хорошей форме. От моей хорошей формы зависит, сколько денег я заработаю, а соответственно и ты тоже.

– Я бы рад устроить тебе праздник, дорогой мой. Но мне, если честно, даже страшно представить, что в твоём представлении является праздником. Я-то человек скромный. Приземленный. У меня и понятия и запросы приземленные. А ты-то – Звезда! – Геныч насмешливо смотрел на собеседника. – Короче, моей скромной фантазии не хватает, что бы представить, что сможет удовлетворить твои нескромные запросы.

– Ты должен придумать для меня что-то интересное, захватывающее! – требовательно заявил Юлик, сделав ударение на слове должен. – Я измотан. Морально и физически. Я постоянно под давлением. Под прицелом кинокамер и фотообъективов. Моя жизнь на виду! Знаешь, как это тяжело? Конечно, не знаешь. Откуда бы тебе знать. На тебя не давит бремя славы. – С пафосным видом разглагольствовал Юлик. Заметив, что Геныч сидит с наглой ухмылкой, Юлик взвизгнул: – Тебе все хиханьки и хаханьки. Хочешь, что бы у меня случился нервный срыв?

– Упаси бог! Что ты? Ни в коем случае! Этого я уж точно не вынесу! – Геныч энергично замахал руками, всеми силами сдерживая душивший его смех.

– Придумай что-нибудь! – категорично потребовала звезда, находящаяся на грани срыва.

– Ладно. Я подумаю, – примирительно пообещал Геныч, лишь бы знаменитость отвязалась.

Юлик внимательно рассматривал свои ногти. Не пора ли делать маникюр. Двери лифта раскрылись и звезда «специальной» непринужденно-развязной походкой вошла внутрь. Бросив взгляд на панель с кнопками, и убедившись, что нужный -2-й этаж уже нажат, от нечего делать, Юлик принялся рассматривать едущих вместе с ним людей. Их было всего двое. Мужик – денежный мешок в синем костюме, сшитом на заказ где-нибудь в Лондоне и в ботинках ручной работы. Интересно, какая у него машина? Наверняка, какая-нибудь крутатень. Вторая пассажирка лифта – тетка, «серая, очкастая мышь» с постной физиономией. Сиськи ничего, даже под дурацким пиджаком заметно, что размер четвертый, ну минимум третий, все остальное отстой. Юлик терпеть не мог таких скучных невзрачных теток. Прямо школьная училка или библиотекарьша какая-нибудь. Женщина должна быть с огоньком. Будить желание, будоражить кровь, радовать глаз, в конце концов. А эта, ужас! Чувырла! Костюм серый. Очки здоровенные. Морда кирпичом. Вроде молодая, а все равно, что бабка-пенсионерка. Юлик слегка наклонил голову и незаметно посмотрел на ноги спутницы. Вполне ничего себе ноги. Красивые. Тем хуже! Если у женщины хорошая фигура, а она производит впечатление старой девы и синего чулка, значит она нудная, закомплексованная дура и неврастеничка. Юлик отвернулся от своих не примечательных, скучных спутников и вновь занялся созерцанием ногтей, одновременно размышляя, чем бы заняться вечером.

Издав очередное позвякивание, лифт замер и впустил в себя еще одно существо мужского пола. Табло, расположенное над дверью показывало, что остановка произошла на втором этаже. Вошедший был довольно высоким молодым мужчиной, скорее всего ровесником Юлика. Под плотно обтягивающей футболкой перекатывалась целая гора мышц. Бежевые

штаны с множеством карманов в стиле милитари, несмотря на мешковатость, лишь подчеркивали хорошее сложение и отличную спортивную форму их обладателя.

«Лох какой-то», – покосившись на вновь вошедшего, вынес свой вердикт Юлик. Качок Кинг-Конг. Что ж тут все такие никакие? Прямо повеситься тянет в этой башне тоски и скуки, пристанище канцелярских крыс, бизнесменов и бизнесвумен с постными физиономиями.

Аня двинулась к двери. Вновь вошедший, отступил, на шаг назад, чтобы освободить дорогу. Тоже едет на парковку, чисто автоматически, отметила Аня. Ей было абсолютно наплевать, кто, из присутствующих вместе с ней в кабине лифта мужчин, куда направляется.

Глава 4. Отставной капитан

23 апреля

– Ну, давай рассказывай, чего там у тебя произошло. – Игорь придвинул приятелю кружку пива. Пенная шапка вздымалась над запотевшими, стеклянными боками. Игорь с наслаждением отхлебнул из своей кружки и почмокал губами. – Холодненькое!

Заметив, что приятель продолжает сидеть с хмурым лицом, не притрагиваясь к пиву, Игорь слегка толкнул его плечом.

– Да, ладно, Андрюха, расслабься! Все наладится. Ну, всякое бывает. Чего ты?

– Наладится, – безжизненным голосом повторил Андрей, сделал глоток и снова замер, глядя перед собой невидящим взглядом.

– Слушай, ты меня позвал, что бы дуться весь вечер и молчать? – начал раздражаться Игорь. – Говори уже давай, что случилось. Хватит из себя барышню, лишнюю невинности изображать.

Андрей вздохнул. Сделал еще несколько глотков. Приятель прав, он сам позвонил, попросил о встрече. Нечего тянуть.

– Меня из армии уволили, – сказал он. Игорь присвистнул.

– За что?

– Избил одного урода. Сына командира полка.

Игорь недоверчиво улыбнулся:

– Ты чего, пьяный, что ли был?

Андрей допил пиво, и Игорь подал официантке знак повторить. Разговор обещал быть долгим.

– Нет. Не пьяный, – угрюмо сказал Андрей, – просто, он урод. Вывел меня. Та еще сволочь. Короче, я ему врезал по морде. Нос сломал.

– А он побежал папе жаловаться. Так, что ли? – Игорь ухмыльнулся, представив, как взрослый мужик бежит к папаше плакаться, что его побили.

– Да, нет. Ну, он, конечно, пожаловался. Но он сам тоже военный. И выше меня по званию. Так, что мне предложили «по-хорошему» уйти в отставку. Сказали, что я легко отделался. – Андрей закурил и уставился неподвижным взглядом на дым от сигареты. На душе было мутно.

– Да, ладно. Не расстраивайся, Андрюха. Ты ж ему за дело врезал?

– За дело.

Игорь хлопнул друга по плечу.

– Ну, вот. Значит, все нормально. В конце концов, на армии свет клином не сошелся.

Андрей горько усмехнулся. Может и не сошелся, но ему от этого не легче. Он себе не представляет, что теперь делать. Чем заняться.

– А, ты, иди к нам, в охрану. Ну, по крайней мере, пока не определишься, чего дальше делать, – предложил Игорь.

В охрану Андрею не хотелось. Но Игорь прав. На первое время пойдет. Все равно нужно куда-то устраиваться. Без денег-то не проживешь. А там, может, что-то другое подвернется или он, в самом деле, определится, чем хочет заниматься. Сейчас ему, в общем-то, безразлично, где работать.

– К вам это куда? – спросил он у приятеля, давая понять, что согласен.

На следующий день, ровно в 10:45 Андрей Кириллович Чернышов вошел в высокое современное здание, целиком и полностью занимаемое офисами всевозможных организаций, фирм и компаний.

– Здорово, Андрюха! – поприветствовал приятеля Игорь, одетый в строгий темный костюм охранника. – Шеф тебя ждет. Он любит, тех, кто служил. Сам бывший военный. Так что не дрейфь, ты ему понравишься. Он нормальный мужик.

– Куда идти-то? – поинтересовался Андрей. Он немного нервничал. Царившая вокруг обстановка навевала некоторую робость. Все блестит, сверкает, переливается. В воздухе витает запах денег, деловитости. Не слишком уютно. Игорь хлопнул его по плечу.

– Поднимайся на второй этаж. Офис двести два.

Андрей направился к лифту.

– Андрюх, потом расскажешь, как прошло, – вдогонку ему крикнул Игорь. Андрей махнул рукой и кивнул.

Через пять минут соискатель на должность охранника уже сидел напротив седого усатого майора в отставке, начальника службы охраны.

– И чего же, ты, голубь, из армии-то решил уволиться? Там сейчас, вроде, и платить стали и условия для офицеров неплохие, – просмотрев документы, спросил бывший майор. Андрей решил, что лучше не начинать рабочие отношения с вранья и рассказать все как есть. А уж если начальник охраны сочтет, что такой сотрудник ему не нужен, то значит не судьба.

– Вот значит, как! – приглаживая ус, хмыкнул майор, выслушав историю о причине отставки. Внимательные, привыкшие подмечать каждую мелочь, глаза пристально смотрели на нарушителя воинской дисциплины и устава. Майор снова хмыкнул. В глазах заплясали веселые искорки.

– Ты, конечно, считаешь, что ты сына своего командира за дело ударил. И ты сторона, несправедливо пострадавшая. А, вот я тебе скажу, что, какова бы ни была причина, ты нарушил устав. То есть совершил тяжелый проступок, преступление, попросту говоря. И таких вещей я не приветствую. Но! – майор поднял вверх указательный палец. Руки у него были большие, сильные, с выступающими вздутыми венами и узловатыми пальцами. Майор выдержал небольшую паузу, затем продолжил, – но! Ты, сказал правду. Хотя мог бы придумать какую-нибудь историю. Или вообще сказать, что просто решил уволиться, ты же сам в отставку подал, никто тебя не выгонял. Я, Андрей, сам врать не люблю и в людях ценю, когда они правду говорят, не изворачиваются. В общем, если тебе условия работы здесь подходят, можешь завтра приступить. Пока будешь дежурить на подземной парковке. Это минус второй этаж. Потом, когда место освободится, я тебя в здание переведу. Договорились?

Бывшие служаки пожали друг другу руки. Начальник сообщил время начала дежурства, дал еще несколько указаний по поводу формы одежды, дисциплины и всякой другой ерунды.

– Ну, до завтра, Андрей Кириллович, – улыбнулся майор. – Сейчас я позвоню ребятам из охраны парковки. Спустись к ним, посмотри, что и как. Они тебе все покажут и расскажут.

Андрей направился к лифту.

Когда двери открылись, отставной капитан решил, что у него неожиданно случилась галлюцинация или произошло помутнение в голове. В кабине находились трое.

Женщина в костюме и очках. Деловая, элегантная. Молодая и довольно симпатичная, но с каким-то кислым, не располагающим к себе, надменностью и сердитым взглядом лицом.

Мужик лет за тридцать. Ухоженный, явно при деньгах, но в то же время по виду, по крайней мере, не какой-нибудь зажравшийся «хозяин жизни», глядящий на всех как на отбросы, путающиеся у него под ногами, а нормальный, вполне приятный, и именно «мужик». Лицо волевое, умное.

В общем, эти двое не представляли, из себя, ничего особенного. Обычные люди. С обычными эмоциями на обычных лицах. Уверенность в том, что он пребывает в здравом уме, пошатнули не эти двое, а третий персонаж, присутствующий в кабине. Рядом с бизнесменом и сердитой молодой женщиной, одетыми строго и по-деловому, выделяясь ярким и неуместным пятном, стоял оживший персонаж японского мультлика аниме. Бросив на Андрея скупающий,

презрительный взгляд, «мультишка» отвернулся и занялся рассматриванием затейливого брелока на ключах от машины.

Молодой парень, а скорее очень молодо выглядящий мужчина в кожаной куртке с великим множеством разноцветных нашивок и надписей. В потертых джинсах с провисшей, до колен, «мотней», на коленях которых красовались большие прямоугольные заплатки лимонного цвета с зелеными полосками. Здоровенные бордовые ботинки на толстой подошве. Серьга с внушительного размера камнем, играющим всеми гранями в ярком белом свете люминесцентных ламп. Довершала необычайный наряд трогательная розовая распашонка, выглядывающая из-под расстегнутой на груди куртки. Все это, само по себе являло весьма впечатляющую картину. Но, самой бросающейся в глаза деталью, поражающей воображение и приковывающей взгляд, была прическа человека-мульта, разом заставлявшая забыть обо всем остальном. Поверх темных, прямых, сияющих «от корней до самых кончиков» ненатурально-здоровым блеском волос, в разные стороны, в тщательно продуманном и умело уложенном беспорядке расходились такие же гладкие и сияющие яркие разноцветные пряди. Цвета были настолько сочные и насыщенные, что сразу вспоминались какие-нибудь тропические птицы, или разноцветные бабочки, порхающие там же, в тропиках, рядом с птицами. Голубой, розовый, оранжевый, салатный, фиолетовый, красный, зеленый, синий, желтый. В глазах мутилось и рябило от такой красоты. Прядь голубого цвета была длиннее остальных и свободно спадала вниз, прикрывая правый глаз этого чуда.

Видимо, вследствие неожиданно перенесенного потрясения, войдя в лифт, Андрей пробормотал: «Здрассьте...».

Это было ужасно глупо. Кто, скажите, здороваётся с незнакомцами в лифте многоэтажного офисного здания? Вероятно, только идиоты, или жители глухих деревень, где все со всеми здороваются, уж так заведено. Но жители глухих деревень, обычно, не оказываются в таких местах, соответственно, в глазах присутствующих, он идиот. Ну и ладно. Сейчас он выйдет из проклятого лифта и больше, скорее всего, никого из них никогда не увидит. А и увидит, ничего страшного. Тут всем друг на друга наплевать. Никто никого не замечает. И в лицо не запоминает. В следующий раз никто из них, не узнает друг друга, даже если столкнется нос к носу. Ну, разве, что мультишку, но такого и не заметить, и не узнать невозможно. Всегда бывают исключения из правил.

Приветствие нового попутчика, как и следовало ожидать, осталось без ответа. В кабине, по-прежнему, стояла тишина. Единственный звук, которого ожидали присутствующие, был звоночек издаваемый лифтом. Всем уже не терпелось, наконец, доехать до нужного этажа. Современному, деловому человеку тяжело находиться в ожидании, пусть даже несколько секунд, которые требуются скоростному механизму для спуска. Людям, живущим в сумасшедшем темпе большого города, необходимо движение, деятельность. Любой простой или задержка раздражают, заставляют нервничать и чувствовать дискомфорт. Взять хоть людей на переходе. Стоят, бьют «копытом», когда же загорится зеленый? Время уходит впустую. Ужас, кошмар!

Первый этаж. Наконец-то! Аня приготовилась покинуть кабину лифта, как только двери откроются. Лифт, как ни странно, не тренькал. Проходили секунды, одна, две, три, пять... Двери продолжали оставаться закрытыми. Каждый из присутствующих уже мысленно испытывал удивление непонятной задержкой и одновременно проклинал медлительную технику. Неожиданно свет погас и четверо незнакомых друг с другом людей оказались в полной темноте. Переполненные нетерпением и раздражением, они слепо озирались по сторонам, тщетно пытаясь хоть что-то рассмотреть. Каждому хотелось выплеснуть эмоции, но чувство «приличия» останавливало от бурного всплеска негодования.

«Да, что же такое-то!» – вглядываясь в крошечную темноту, мысленно возмутилась Аня.

«Да, черт возьми! Этого только не хватало, застрять в лифте» – раздраженно подумал бизнесмен Скворцов.

«Вот хрень!» – мелькнуло в голове бывшего капитана Чернышова.

– Э! Чего за х...я! Чего нормальный лифт поставить не могут? – заорала звезда, наплевав на приличия и хорошие манеры. Помня, что очкастая мышь стояла у двери, Юлик потребовал: – Девушка, постучите по двери. Пусть они мастера пришлют или МЧС вызовут. Короче, пусть они нас достанут. Что мы тут теперь сидеть должны, если они лифты нормальные сделать не могут?

«Придурок! Выглядит, как идиот, и ведет себя также», – мысленно огрызнулась Аня. Но через несколько секунд она все же последовала совету крашеного придурка и постучала по гладкой металлической поверхности. С той стороны не доносилось никаких звуков.

– Нужно кнопку вызова нажать, – сказал Скворцов. Он пошарил по карманам в поисках телефона, что бы включить фонарик. Телефона не было. Был только пузырек с таблетками и ключи от машины. «Склеротичный идиот!» – обругал себя забывчивый делец.

– Кто-нибудь посветите телефоном на панель с кнопками, я свой в офисе забыл.

Крашенный включил свой айфон последней модели, и посветил туда, где располагался «пульт управления» сломавшегося механизма.

– Какой debil придумывал эти значки? – возмутился он, разглядывая, расположенные под кнопками, с номерами этажей, разноцветные кругляши с непонятными обозначениями. Аня поморщилась, крашенный клоун все сильнее, раздражал ее своими хамскими манерами.

– Может с восклицательным знаком? – Предположил Скворцов и сердито добавил: – Действительно, можно было сделать понятные обозначения, а не головоломку для особо одаренных. Вот этот человечек зажимающий уши руками, это, что, скажите на милость должно обозначать?

Юлик, предпочитавший словам действия, жмякнул на восклицательный знак. Ничего не произошло. Аня снова постучала по двери. Даже крикнула пару раз, призывая кого-нибудь из охранников или любого человека, проходящего мимо лифта. Кого угодно, лишь бы услышали и поняли, что лифт застрял и внутри него люди, которые спешат и жаждут скорейшего освобождения. У каждого важные, неотложные дела, а они здесь... Тишина.

Юлик начал нажимать все кнопки подряд. Ничего. Голос диспетчера не интересовался, что случилось. Никто не беспокоился, что один из лифтов огромного здания не работает.

«О боже!» – Аня ощутила неконтролируемый приступ паники. Это было глупо и нелогично. Она тут не одна. Они на первом этаже, даже если что-то произойдет, внизу, под ними, всего два этажа. Скоро придут лифтеры и откроют двери, они выйдут из этого проклятого лифта и пойдут по своим делам, продолжат привычную жизнь, полную стрессов и мелких неприятностей. Но все эти здравые рассуждения не помогали. Аня чувствовала, что ладони взмокли от пота. К горлу подкатывает тошнота и становится трудно дышать. Она забарабанила по двери со всей силы. «Успокойся, истеричка!» – приказывала она себе, продолжая колотить по стальной обшивке. В конце концов, рука устала и заболела, а никаких признаков жизни с той стороны и того, что кто-то услышал их, так и не проявилось.

Аня прислонилась спиной к дверям, пытаясь не разреветься. Все сегодняшние неприятности разом нахлынули на нее. Ей стало невыносимо жалко себя, бедную, несчастную. Ну, за что ей все это? Она всего лишь слабая женщина. Причем довольно несчастная. И одинокая. Ей уже двадцать шесть, а она совсем одна. И жизнь тоскливая. Беспросветная. Яйцеклетки стареют. Критический возраст не за горами. И ей хочется, что бы о ней заботились, защищали, а тут...

Что именно тут, додумать она не успела. Кабина лифта дернулась. Свет вспыхнул и снова погас, раздался страшный грохот, скрежет. Кабину, как будто подбросило. Люди, стоявшие внутри, начали падать, хвататься друг за друга, точь в точь, как в переполненном автобусе.

А потом все затихло и двери открылись. По-прежнему ничего не было видно. Снаружи была такая же темнота, как и в самом лифте. Это было странно. Даже если во всем здании вырубилось электричество, сейчас, как ни как, день. В холле первого этажа большие окна и двери стеклянные. Должно быть светло, по крайней мере, не абсолютный непроглядный мрак. Что происходит?

– А может мы на парковке? А электричества нет? – Робко предположила Аня. Ну конечно! Поэтому лифт и трясло и подбрасывало. Они опустились на минус второй этаж. А электричества нет, поэтому такая темень. А вообще лифт может так сам опуститься, без электричества? Этого Аня не знала. Почему-то ей стало страшно. Не очередной приступ паники в результате неудачного дня, постоянных стрессов, усталости и мелких неприятностей. Нет, ей стало действительно страшно. Видимо, почувствовав ее состояние, а может, испытывая те же чувства, один из мужчин, в темноте Аня не видела, кто именно, протянул руку и сжал ее ладошку. В любой другой ситуации она тут же выдернула бы руку, не позволив незнакомому человеку подобной фамильярности, но сейчас она с благодарностью сжала крепкую мужскую ладонь. На душе стало чуть легче. Было уже даже не так страшно. Она не одна.

Юлик посветил телефонным фонариком.

– Тут какой-то коридор. Разве на парковке перед лифтом есть коридор?

Скворцов пожал плечами.

– Нет там никакого коридора. Может это минус первый этаж? Там вообще, что находится?

– Это технический этаж. Там всякие системы коммуникаций, – сказала Аня. Ей рассказывал один из электриков, приходивший к ним как-то в офис чинить неисправную проводку. – Но я там сама не была. Не знаю насчет коридора...

– Ну, пока другого выхода нет, пойдёмте, посмотрим, как отсюда выбраться. – Предложил Скворцов, незаметно оказавшийся в роли «вожака стаи». Остальные были только рады, что кто-то взял на себя ответственность за принятие решений. Богатенький мужик производил впечатление разумного и надежного человека. Да к тому же, для него, наверняка, привычное дело решать и командовать. Вот пусть и руководит. Чернышов был готов оказать моральную и силовую поддержку, в случае необходимости, а Аня и Юлик, хотели поскорее выбраться отсюда и готовы были следовать за тем, кто вел себя спокойно и рассудительно и вселял своим спокойствием и уравновешенностью уверенность и спокойствие в них самих. Сам же Скворцов хотел только, что бы поскорее закончился дурацкий день. Вечером он выпьет свое чудодейственное лекарство и вырубится в своей удобной мягкой кровати. И, наконец, проспит всю ночь, до самого утра, а может и на работу опоздает ради такого случая, и проспит еще и полдня. И не важно, натуральным или искусственно вызванным сном. Ему уже все равно. Его силы на исходе. Сейчас, находясь в этом темном пыльном коридоре, непонятно в каком месте чертова здания, он чувствовал, как наваливается на него усталость, все сильнее и сильнее с каждой минутой.

Глава 5. Праздник для звезды

23 апреля

Коридор оказался длиннее, чем можно было предположить. Несколько минут компания пробиралась почти в полной темноте, освещаемой лишь слабым лучиком фонарика мобильного телефона, по узкому, заваленному обломками каменных плит и какого-то хлама, пространству. То и дело кто-нибудь спотыкался, ударялся об валявшиеся под ногами и не видимые в темноте предметы. Слышалось ойканье и чертыханье. Наконец, измученные, перепачканные и раздраженные, они добрались до конца коридора. Впереди были каменные ступеньки, ведущие к двери, сколоченной из темных досок. Каждый в душе понадеялся, что дверь не окажется наглухо запертой. Сидеть в этом каменном мешке, наполненном затхлым воздухом и пылью, никому не хотелось.

Андрей Чернышов шагнул вперед и толкнул дверь. Раздался скрежет несмазанных петель, и дверь медленно открылась. Все выдохнули с облегчением.

Войдя друг за другом в помещение, находящееся за скрипучей дверью четверо товарищей по несчастью застыли в изумлении. Обстановка комнаты, в которой они оказались совершенно не соответствовала их представлению о том, как должен выглядеть «технический этаж». Как угодно, но точно не так.

В дальнем углу комнаты стоял большой стол. По виду старинный. На столе стопками лежали книги, все очень толстые и потрепанные. По обеим сторонам стола располагались кованые подсвечники на длинных ножках. В каждом из подсвечников горело по пять свечей, пламя которых затрепетало и запрыгало от сквозняка, возникшего, когда открылась дверь, через которую вошли четверо «попавших в аварию» в лифте.

За массивным столом, склонившись над раскрытой книгой, сидел темноволосый мужчина с длинной бородой и тонким крючковатым, длинным носом, одетый в бесформенную темную одежду с капюшоном, напоминающую монашескую рясу. Он смотрел на вошедших людей не менее изумленно, чем они на него. Несколько секунд в комнате царила полная тишина.

– Блин! – жизнерадостно воскликнул крашеный во все цвета чудик. – Блин!

Он обвел сияющими, счастливыми глазами своих спутников. Те, в свою очередь, продолжали смотреть с недоумением, переводя попеременно взгляд с него на длинноносого мужчину за столом.

– Ну, Геныч, ну хитрый, старый хрен! – Юлик, радостно улыбаясь, погрозил пальцем в пространство. – Ведь может, когда захочет, паразит! – продолжал восторженно нести полную бессмыслицу обладатель удивительной прически.

«Может он псих? Да, скорее всего. С такой-то прической...» – испуганно, подумала Аня. Она посмотрела на остальных, судя по их взглядам, они придерживались того же мнения. Скворцов сделал шаг вперед.

– Добрый день! Мы застряли в лифте, а потом двери открылись и мы оказались здесь. Это минус первый этаж? Здесь есть еще какой-нибудь выход? Мы все спешим. Хотелось бы побыстрее выбраться.

Длинноносый мужик, неотрывно пристально смотрел в сторону пришедших. В неясном свете свечей взгляд его казался сердитым и даже зловещим.

– Вы можете сообщить наверх, что мы здесь? – продолжая улыбаться, спросил бизнесмен. Никакого ответа не последовало.

– Черт, – сказал Скворцов, обращаясь к своим спутникам, видимо, потеряв надежду получить помощь от длинноносого, – мы идиоты! Мы же сами могли позвонить с самого начала! Еще из лифта. Дайте телефон! – вежливо, но требовательно обратился он к Юлику. – Я секретарше позвоню. Она сообщит на охрану или лифтерам. Короче, сейчас нас спасут.

Улыбаясь, он протянул руку к мобильнику Юлика. Но тот и не подумал дать свой телефон. – Да все нормально! Расслабься мужик! – фамильярно заявил Юлик. – Я же говорю, это Геныч все устроил. Ну, вообще! А какой антураж, как все стильно, каждая мелочь продумана. Как в фильмах про каких-нибудь злобных чародеев, сидящих в старой башне над своими колдовскими книгами! Прямо жуть берет. Все, абсолютно все, как взаправду! А мужик. Настоящий упырь! Даже взгляд злобный, полоумный. Порадовал, порадовал, мерзавец! – безостановочно тараторил Юлик. Он направился к столу, за которым сидел длинноносый с «полоумным» взглядом. Худое лицо сидящего выражало враждебность и удивление и, казалось, даже тревогу.

– Давай, чародей, сфоткаемся. Я потом, в Инстаграм выложу, фанаты рехнутся от восторга. Залайкают меня. Рейтинг взлетит до небес. Ерунда, конечно, но согласись, все равно приятно. Ты тоже можешь блеснуть, вот мол, я и Краснов. Смотрите, завидуйте! – обращаясь к длинноносому, трещал Юлик. Вид у него был как у ребенка, нашедшего, под елкой, целую кучу подарков. – Ты по роли кто, чернокнижник или монах отшельник?

– Макамб! – заорал вдруг длинноносый. Все вздрогнули от неожиданности. Юлик остановился в паре шагов от стола.

– Макамб? – не понял Юлик. Потом пожал плечами и двинулся дальше. – Макамб, так макамб. Так и напишу под фоткой «я и Макамб», не знаю, кто это, но звучит прикольно.

Юлик включил телефон. Экран засветился, и лицо длинноносого осветилось голубоватым светом, отчего приобрело еще более зловещий вид.

– Макамб! – снова крикнул он.

– Да, понял я уже, – невозмутимо ответил Юлик, – чего орешь? Все, можешь уже выходить из роли, я уже восхитился. Скажу Генычу, что бы тебе по двойному тарифу заплатил. Заработал, молодец! Сейчас сфоткаемся...

Длинноносый взмахнул рукой, и в этот миг телефон в руках Юлика вспыхнул и разлетелся на мелкие осколки.

– Аааа! – заорал Юлик, тряся рукой. Он испуганно начал озираться на всех присутствующих. – Вы видели? Нет, видели, а? Сфотайте кто-нибудь то, что осталось от этой хрени. – Потребовал он, пнув ботинком обгорелые обломки телефона, валяющиеся на полу. – Я этих производителей засужу, к чертовой матери. Чуть звезду без рук не оставили, уроды! Телефон, между прочим, полторы тысячи баксов стоит! Что, люди такие деньги платят, что бы у них эта х...я в руках взрывалась? Что бы за собственные же бабки инвалидом стать?!

Кипя от негодования, Юлик посмотрел на длинноносого.

– Чего сидишь?! Мобилу давай, моим юристам фотки нужны будут. Доказательства. – Видя, что тот не предпринимает никаких действий, Юлик начал раздражаться. – Мужик, все, шоу окончено. Я не в настроении. Молодец. Хорошо сыграл, а теперь давай уже серьезно... – Юлик нетерпеливо протянул к длинноносому руку, в ожидании, когда до того дойдет, что представление закончилось, он выйдет из роли средневекового придурка, и даст свой мобильник. Но тот по-прежнему сидел неподвижно. Юлик оглянулся на своих спутников.

– Ладно, чувак в ступоре. Есть у кого мобильный?

Денежный мешок, перекачанный Кинг-Конг и серая мышь стояли неподвижно, и во все глаза таранились на Юлика и на мужика, сидящего за столом.

– Ну чего за фигня? – взорвался Юлик. Что за сборище умственно отсталых? Так сразу по виду, и не скажешь, что дебилы. Разве, что качок. А может они все участники шоу, устроенного Генычем? Ну, так пора бы уже понять, что все, финита ля комедия. Он чуть калекой не стал, а они все только глазками лупают, уроды. Их, наверное, снимают скрытые камеры, догадался, наконец, Юлик. Но, уже, правда, не смешно. Хотя, если их снимают это хорошо. Тогда все, что произошло, будет на пленке, вот тебе и готовые доказательства для судебного иска. Юлик завертел крашеной головой по сторонам, пытаясь обнаружить, где располагаются

камеры. Ничего не увидел, да и не удивительно. В комнате темень. В конце концов, ему надоело, и он шагнул к длинноносому.

– Слушай, дятел, сворачивай свой балаган, мне надоело! Давай телефон, не раздражай меня, я, когда нервничать начинаю...

– Макамб амбарлус! – заорал длинноносый так, что Юлик подскочил на полметра.

– Ты ненормальный что ли?! Вжился в роль, и мозги поехали? Так не х...а тогда с людьми работать, если псих! – заорал он и бросился на длинноносого. Тот вытянул вперед руку, что-то снова сверкнуло, громынуло, и Юлик почувствовал, что все вокруг него плывет, растворяется, и исчезает, а по телу разливается странное тепло, руки и ноги слабеют, и перестают слушаться. А потом остатки сознания провалились в темноту.

Глава 6. «Ни хрена себе!»

23 апреля

Двери, пребывавшие в неподвижности в отсутствии входящих-выходящих, ожили. В вестибюль вошла дама, одетая в широкую, похожую на пончо, накидку из норки. Гладкий мех сиял и переливался при каждом новом шаге его обладательницы. Длинные тонкие каблукки звонко цокали по каменным инкрустированным плитам. Дама с надменным видом прошествовала к лифту, не удостоив взглядом охранников. Холеная и уважаемая хозяйка жизни несла себя гордо и с достоинством.

Игорь проводил любительницу мехов насмешливым взглядом. Конец апреля. Почти полетному тепло, а тут нате вам, норка. Но у богатых свои причуды. Может тетка мерзнет или не успела за зиму всю свою коллекцию продемонстрировать, приходится теперь в жару наверстывать.

Игорь снова уткнулся в планшет. Ему оставалось набрать еще двести очков, и его дракончик, наконец, получит золотой шлем, дающий кучу бонусов и преимуществ над противником. Игорь бился над этой задачей уже второй день. Но сейчас, точно, все должно получиться. Он быстро заработал пальцами, помогая сказочной рептилии обходить препятствия, убивать врагов и собирать золотые монетки, дающие дополнительные очки. Сто пятьдесят очков осталось! «Давай убивать врагов, дружище, давай постарайся! Ты молодец! Ты сможешь. Ну, давай! Давай! Так, так. Ты сможешь, я знаю. Семьдесят! Еще чуть-чуть», – мысленно подбадривал себя и виртуального питомца Игорь.

Тишину и атмосферу спокойствия и благопристойности, царившую в вестибюле, разорвал душераздирающий женский крик, доносившийся со стороны лифтов. Женщина вопила, как будто ее режут. Игорь подскочил и дернулся всем телом от неожиданности. Дракон свернул в неправильном направлении и тут же был сожран каким-то злобным чудовищем неопределимого вида. Золотой шлем уплыл, буквально из рук. «Твою мать! Весь уровень по новой проходить! Что эта дура, так орет?» – уже мчась к лифту, сокрушался Игорь.

Тетка в норке застыла напротив лифта, указывая длинным костлявым пальцем в сторону раскрытых дверей. Посреди кабины, на полу, лежал человек. Мужчина, на вид лет сорока. Лицо, такое, какие нравятся женщинам – волевое, решительное, без какого-либо намека на слащавость. И он, совершенно определенно, был мертв. Потому, что когда из груди у человека торчит колюще-режущее оружие длиной в метр, он совершенно точно никак не может быть живым.

«Ни хрена себе!» – глядя на труп, подумал Игорь, моментально забыв и о дракончике, и о шлеме. Богатая тетка повернулась к нему и проскрипела противным, каким-то неживым голосом:

– Это труп?

– Это труп. – Как попугай повторил Игорь, странным образом утративший способность соображать.

– Почему он так одет? Почему у него из груди торчит это...? – снова проскрипела, видимо, любившая основательно подходить к любой ситуации тетка.

Игорь пожал плечами.

– Я не знаю, – он тупо смотрел на мертвое тело. Мозг отказывался функционировать, а все чувства как-то вдруг притупились, в голове и в сознании образовался вакуум.

Любительница норки посмотрела на охранника широко распахнутыми стеклянными глазами, а затем открыла рот и разразилась звуками сирены воздушной тревоги.

– А-а-а-а!

Душераздирающий вой вывел Игоря из оцепенения. В очередной раз, подпрыгнув от неожиданности, он ощутил, как бешено колотится в груди, едва не разорвавшееся сердце. «Идиотка чертова!» – чуть не заорал он. Тетка тем временем умолкла, закатила глаза и быстро начала оседать на пол. Игорь едва успел ухватить бесчувственное тело и смягчить падение. Не дай бог, шибанется головой о каменный пол, и будет у них тут сразу два труп. Он почувствовал, что его начинает бить нервная дрожь. Подхватив впечатлительную даму под руки и под ноги, Игорь потащил ее к мягкому дивану, стоявшему у стены неподалеку от лифтов.

– Серег! Звони шефу. У нас тут труп, – крикнул он своему напарнику, встревоженно выглядывающему из-за стеклянной перегородки у входа.

– Тетка?! – изумился второй охранник. Вот дела! Ведь только что жива была и вдруг раз и померла.

– Нет, мужик! В лифте, – тяжело дыша, ответил Игорь и опустил свою ношу на диван. Тяжелая зараза! А с виду тощая, одни кости.

– Ни хрена себе! – повторил слова подчиненного отставной майор, заглянув в лифт. Пока он спускался из офиса, расположенного на втором этаже, он очень надеялся, что это какая-то ошибка или шутка, или еще что угодно, но только не реальный, настоящий труп в лифте вверенного для охраны ему и его подчиненным здания. Но все было взаправду. И то, что сам труп выглядел так, как будто только что явился со съемочной площадки, какого-нибудь приключенческого фильма или с бала маскарада, как ни странно, делало происшествие еще более реальным и грозящим еще большими неприятностями. Бывают в жизни неудачные дни! И сегодня именно такой, неудачней не бывает.

Со всей этой суетой с трупом, с теткой, с полицией, Игорь совершенно забыл, что его приятель, Андрей Чернышов, так и не пришел рассказать, как у него прошла встреча с начальником охраны.

Следователь Прохоров с тоской смотрел на тело, лежавшее посреди кабины лифта. Худшего дела и придумать трудно, сколько ни старайся. Огромное, многоэтажное здание. Тысячи людей, работающие в нем. Сотни клиентов, приходящих и уходящих когда и куда им вздумается. Да при таком раскладе любой человек, проживающий в многомиллионной столице или приехавший в нее, теоретически, может являться подозреваемым. Конечно, есть камеры наблюдения. Но это сколько рабочих часов и сколько человек нужно, что бы просмотреть все записи. Тридцать восемь этажей! На каждом по несколько камер. И не факт, что просмотрев все, что-то удастся найти. Да плюс ко всему сама жертва. Это вообще отдельный разговор. Прохоров снова посмотрел на тело. Лежит себе. Нет бы взять, да и сделать людям подарок, просто исчезнуть и все. Куда там. Да этот клоун без документов и сдается, без приводов в прошлом, может быть кем угодно. Кроме странной одежды и торчащего из груди, ни чего-нибудь, а здорового боевого меча, при жертве ничего обнаружено не было. Даже фантика от жвачки, или монетки в карманах. Хотя и карманов у него тоже нет. Его личность, может, даже установить не удастся. Прохоров горестно вздохнул. Это же надо. Мужик, наряженный в средневекового рыцаря, с торчащим из груди мечом. Причем, очень смахивающим на настоящий, а не на китайскую подделку. Что ж за чертовщина такая?

Подошел патологоанатом.

– Его убили не здесь.

Прохоров кивнул.

– Да, сам вижу, что не здесь. Крови-то нет.

– Он мертв часов пять-шесть.

Прохоров закатил глаза. То есть мало того, что его мог убить кто угодно. Так его и где угодно могли убить. И совершенно непонятно зачем его было притаскивать сюда, с большим риском попасться кому-нибудь на глаза. Место-то не самое укромное и безлюдное. И почему,

почему он в таком виде? В общем, дело это будет пакостным, нудным и долгим. И он не раз получит нагоняй от начальства.

– Саша, Синицын! – позвал Прохоров молодого коллегу.

– Да, Иван Степанович? – подлетел краснощекий блондинистый Саша, любимец девушек.

– Ты говорил, у тебя какой-то родственник увлекается фигней, связанной с битвами, с древностью...

Саша радостно закивал.

– Да, дядя мой. Он историк и просто помешан на всем, что связано со средневековьем. Занимается реставрацией разных событий, битв.

– Ты можешь попросить его подъехать?

Саша кивнул.

– Могу. Он точно не откажет. Случай-то интересный. Вы хотите, что бы он труп осмотрел? В смысле одежду и оружие убийства?

– Да. Хочу. Звони ему, – сказал Прохоров, – а я пока, с начальством улажу этот вопрос.

Следователь отправил начальству фотографии с места преступления. Через две минуты пришел ответ с разрешением привлечь к расследованию в связи с исключительными обстоятельствами дела, гражданское лицо в качестве консультанта на добровольных началах, без оплаты за оказанные услуги, естественно.

Дядька Синицына осмотрел труп и пришел в неопишуемый восторг. Не от того, конечно, что человека убили, а от того, что все подлинное.

– Нет, Вы не понимаете! Все подлинное!!! И в то же время все сохранилось настолько хорошо, как будто было сшито и изготовлено совсем недавно! Это чудо! Все эти вещи нужно передать специалистам для всестороннего изучения, для тщательного анализа, – захлебывался ученый-кипяченый. Прохоров уже не рад был, что пригласил говорливого фаната истории. Помощи от него особой не было. Все, наоборот, только еще сильнее запуталось.

Опросили охранников. Нервную даму в мехах, обнаружившую труп, а теперь грозившую засудить всех причастных к этому делу, в том числе и полицию, и прокуратуру, за моральный и психологический ущерб, и за потерю своего драгоценного времени. Ее, видите ли, задержали надолго, что бы снять показания. Больше опрашивать сегодня никого не стали. Не ходить же по всем этажам. Внизу-то никого больше не было. А пока пленки не просмотрят, не понятно, с какого этажа спускалась или поднималась жертва.

Отправив людей осмотреть минус первый технический этаж, Прохоров забрал записи с камер наблюдения и отправился в управление. Настроение у него было хуже не куда.

Глава 7. Вопросы и загадки

24 апреля

Новый день был не лучше предыдущего. Хорошо хоть без трупов. Прямо с утра, прикатила нервная дама, та, что нашла труп. Чего приперлась, если такая занятая, не понятно. Начальник, видимо, заранее поставленный в известность о ее приходе, лично поджидал важную особу у входа. Дамочка, очевидно считавшая появление на людях без мехов верхом неприличия и признаком дурного тона, на этот раз кутала плечи в чернобурую лису. Гордо шествуя по коридору, любительница невинно убиенных зверюшек, щедро обдавала работников управления удушливой волной терпких духов, которых она вылила на себя, судя по ударной силе источаемого ею аромата, целый флакон. Начальник топал рядом с важной гостьей, услужливо показывая дорогу и улыбаясь неестественной, застывшей улыбкой на квадратном лице. Работники прокуратуры, шедшие навстречу, спешно отступали «к стеночке», пропуская столь значительную пару.

Дойдя до кабинета, начальник распахнул дверь и непроизвольно изогнулся перед гостьей в нелепом полупоклоне, как хорошо вышколенный дворецкий в фильмах про богатые дома и жизнь аристократов.

Через пятнадцать минут после прихода значительной особы, волею случая, а скорее всего, злого рока, явившейся свидетельницей по вчерашнему делу об убийстве, на столе у следователя Прохорова зазвонил телефон. Начальство требовало его «на ковер». Ясно было, что зовут не чай пить. Выслушав приказ, следователь обреченно направился к кабинету начальника. Из-за двери раздавался раздраженный скрипучий голос свидетельницы. Прохоров вдохнул как можно глубже и толкнул дверь.

– Если бы Вы и Ваши сотрудники, как следует, исполняли свои обязанности, ничего этого вообще бы не произошло! – возвысив голос, до звука скрипящего тележного колеса, выговаривала посетительница красному, как рак, начальнику.

– Да, Инесса Павловна... – сделал он попытку вклиниться в монолог дамы, что бы хоть как-то реабилитировать себя и своих подчиненных.

– Давно пора очистить Москву от всякого сброда, и тех, кто представляет опасность и несет угрозу обществу, – еще громче заскрипела строгая дама, игнорируя попытку хозяина кабинета, поучаствовать в беседе. – Приличные люди не могут шагу ступить, не опасаясь за свою жизнь! Безобразия! Столица это не место для всякого отребья и криминальных элементов, которые наводнили ее. Здесь должны жить те, кто занимается делом, вносит свой вклад в развитие экономики и важных областей, влияющих на процветание и развитие государства. А не уголовники, наркоманы и бродяги. Те, чей статус и положение не соответствует нормам столичной жизни, вообще не должны здесь не то, что находиться и проживать, а даже и допускаться сюда, даже на минимальный срок! Им нечего здесь делать! Слышите?! – завизжала дама. Начальник подскочил в кресле. Крупная голова нервно дернулась вбок.

– Инесса Павловна! – предпринял он еще одну попытку сказать свое слово, и вновь безуспешную.

– Не понятно, почему власти до сих пор не занялись этим вопросом. Кто как не Вы, – костлявый палец ткнул в сторону начальника управления, который в глазах богатой дамы, вероятно, являл собой главного виновника всех тех безобразий и разгула преступности, которые творились в огромном городе, – да, да, кто как не Вы, допустили, что столица превратилась в один большой притон?

– Инесса Павловна... – прохрипел начальник.

– И это Ваша обязанность навести порядок, обеспечить безопасность и соблюдение законов. Нужно в принудительном порядке повыселить отсюда всякую шваль. Вы хоть понимаете, что я пережила, какой стресс, какое потрясение?

– Я...

– Можно сказать, в самом центре города. Не где-нибудь в подворотне или в каких-то трущобах. Нет. В здании, где располагается мой офис. Мой! – снова взвизгнула дама, как будто кто-то имел наглость оспаривать ее право на владение офисом. – Я направляюсь на работу, где меня ждут важные неотложные дела, где у меня назначена встреча. И, что же я вижу, вызвав лифт, в здании, которое предназначено для ведения бизнеса, а уж точно не для бандитских разборок? Я вижу труп! – дама обхватила рукой шею, замотанную обезглавленными останками лисицы. – Какой-то ряженный, с мечом, торчащим из груди. Ужас! Как он туда попал, этот скоморох? Скажите мне?

– Мы это выясняем, Инесса Павловна, – просипел, наконец, получивший возможность высказаться, начальник управления. – Все силы на это брошены.

– Нет, Вы, понимаете, что мало того, что я нахожу этот труп там, где его вообще не должно быть. Так еще Ваши сотрудники задерживают меня саму, как какую-нибудь преступницу, а потом, продержав бог знает сколько, еще задают идиотские вопросы, вместо того, что бы искать преступников! А я, между прочим, занятой человек. Мое время стоит дорого.

– Инесса Павловна! Положено опросить свидетеля, нашедшего тело...

– Опросить?! Положено?! Я просидела сорок минут, прежде чем меня опросили! – заорала возмущенная бизнесвумен. – Они полчаса топтались над телом, а я ждала. Даже самым узколым должно быть понятно, что тело уже никуда не денется, и может спокойно ждать сколько угодно, а для меня, между прочим, время деньги! Ничего! Я добьюсь от вашего управления компенсации и за моральный, и за понесенный мною, материальный ущерб. Не сомневайтесь!

– Инесса Павловна...

– Сегодня труп. Завтра попрошайка, кланчащий деньги под дверями офиса. А там, глядишь, цыганский табор разобьет лагерь прямо на этаже. Так, что ли?!

– Инесса Павловна...

– Гнать всех этих оборванцев в шею! – заорала, вконец, озверевшая богачка. – Выкидывать туда, откуда они повыползали, пусть сидят в своих трущобах и там режут, убивают, обворовывают друг друга. Закрывать доступ в те части города, где живут и работают нормальные люди! Доступ по пропускам!

«Во тетка дает!» – широко открыв глаза, изумленно смотрел, на про-фашистски настроенную даму, Прохоров. Конечно преступности и беспорядка вокруг много, и что-то действительно нужно менять, но, вот так, призывать превратить столицу в место для избранных, а всех у кого не имеется шестизначного счета в банке, согнать в гетто, это как-то уж слишком. Так можно до такого дойти...

Дама поднялась. Начальник тоже вскочил из своего кресла. Лицо его уже было не красным, а пошло пятнами разных оттенков.

– Сегодня муж обедает с замминистра. Будьте уверены, что о работе следственного комитета и о действиях ваших сотрудников речь тоже пойдет. Думаю, очень скоро, вам, наконец-то, придется начать работать не спустя рукава, а как положено, – надменно, не без доли ехидства в голосе, проскрипела дама. Развернувшись, она направилась к выходу. Начальник бросился следом.

– Не утруждайтесь. Я сама дойду, – холодно бросила она. – Надеюсь ни на какой труп, по дороге, не наткнусь. А Вы, лучше займитесь работой для разнообразия. – Дама издала странное хриплое карканье. Когда она повернулась, Прохоров догадался, что эта смесь скрежета,

вороньего карканья и хрипа – смех воинственной особы, ратующей за «чистоту и порядок» на улицах столицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.